

ЛИДИЯ ЗГУРОВАЯ

ТРОЕ ИЗ КОКТЕБЕЛЯ

ПРИРОДОВЕДЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

Книга детям (Горизонт)

Лидия Згуровская

**Трое из Коктебеля.
Природоведческая повесть**

«ИП Каланов»

2013

Згуровская Л. Н.

Трое из Коктебеля. Природоведческая повесть /
Л. Н. Згуровская — «ИП Каланов», 2013 — (Книга детям
(Горизонт))

Это десятая книга Л.Н. Згуровской. Как и все предыдущие, она посвящена нашим соседям по планете – растениям и животным. Ее отличают занимательность изложения, легкость и художественность языка, познавательность. За две недели, проведенные в поселке на Восточном берегу Крыма, главный герой узнает много нового и интересного: почему сумах не понравился акулам, как первоцветам удастся пробиться сквозь ледяную корку, почему в птичьих семьях встречается «криминал», какую птицу люди используют в качестве сторожа, каковы особенности поведения черноморских дельфинов и всякое другое о жизни растений и животных, обитающих в Крыму и не только.

Содержание

Часть первая	5
Баба Бер	5
Алексей Николаевич и его верноподданные	19
Лихой моряк Агапыч	32
Про Ивасика, любовь и разбитые очки	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лидия Згуровская

Трое из Коктебеля

Часть первая

Коктебельские сюжеты

Баба Бер

*Когда я вижу душу мою отраженной в Природе,
Когда я вижу сквозь мглу кого-то
в совершенстве невыразимом,
Вижу склоненную голову и руки, скрещенные на груди, -
я Женщину вижу.*

Уолт Уитмен

В Симферополь мы приехали утром и сразу разделились. Мне надо было в Коктебель к давней знакомой нашей семьи – Бабе Бер, мои товарищи и сокурсники хотели пройти пешком от Севастополя до Феодосии. По этому маршруту я ездил два раза с родителями, и мне было как-то не очень интересно. Они же с Крымом познакомились впервые, и потому наша несколько суматошная и безалаберная компания распалась. Договорились встретиться в Коктебеле в конце августа, и тогда уже впятером, все вместе, посетить Феодосию, затем поездом, за неимением денег на авиабилеты, заглянуть накоротке на Кавказ, после чего вернуться в Москву, в университет.

В Крым, к Бабе Бер, вот уже 18 лет ежегодно ездим втроем, всей семьей. По сути я вырос у нее на глазах, но последние два года родители были в Коктебеле без меня. Я целиком был погружен в дела, связанные с поступлением в университет. В первый год провалился, на второй – поступил, но два крымских сезона я все-таки пропустил. Баба Бер скучала, выговаривала мне в письмах, звала, вот я и решил имеющиеся у меня в запасе 12 дней провести у нее, порадовать нашими семейными подарками, а заодно помочь ей по мужской линии в ее небольшом, но все-таки хлопотном хозяйстве. Помнится, она жаловалась в письмах на «пошатившуюся» изгородь, невыкопанную картошку, «похилившуюся дверь в курятник»... было еще что-то по мелочи, но я забыл и решил, что обо всем она напомнит мне при встрече.

Да! Насчет имени: звали ее, конечно же, не Баба Бер, а Дарья Феофилактовна Березкина. Это было длинно, скучно и трудно для четырехлетнего ребенка, то бишь для меня. Сначала я звал ее Баба, потом кто-то пристегнул к «Бабе» первый слог ее фамилии, и получилась «Баба Бер». Постепенно все у нас в семье и в поселке стали ее так звать, а новоявленная Баба Бер не возражала. Чего возражать: легко, просто, коротко.

На автостанции мне повезло, народу было мало, билет на очередной автобус я купил без проблем и спустя полчаса уже любовался августовским, подсохшим без дождей Крымом, узнавая места, которые когда-то проезжал. Потом я как-то незаметно задремал и очнулся уже на подъезде к Коктебелю. Около автобусной остановки, еще издали, я увидел Бабу Бер. Она стояла с группой отдыхающих, маленькая фигурка ее маячила впереди всех, и я заметил, как она нетерпеливо переступает с ноги на ногу и жадно тянет шею к подъезжающему автобусу. Я помахал ей рукой. Она увидела, и лицо ее из напряженного и ждущего сделалось вдруг радостным и оживленным. Баба Бер победно оглянулась на стоящих позади нее людей: «А что? – как бы говорил этот взгляд. – Что я вам говорила, приехал-таки, орысина». Я вывалился из авто-

буса в числе первых и сразу же, ощутив вокруг шеи кольцо цепких бабкиных рук, приподнял ее над землей и закружил вокруг себя: «Вот он я, вот он я».

– Ну-ка пусти, шалый, эва вымахал-то, не узнать! А тощей-то, тощей, ездили на тебе, что ли? – улыбаясь и присматриваясь ко мне, частила Баба Бер. – Ты подумай, как город людей уматывает, смотреть жалко. Ну да ладно, подкормишься на вольном воздухе, покупаешься, курята, опять же, свои, да и в огороде всего понатыкано – отойдешь.

Баба Бер критически осмотрела мои вещи и сказала:

– Я хоть и встречающая, а чемодан и рюкзак неси сам. Тяжеленные, небось, знаю я ваше семейство, всегда в вещах книгами напихано. Мне куртку давай, понесу, и фотааппарат, всё при деле.

Я отдал Бабе Бер куртку и фотоаппарат, ухватил свои вещи, и мы пошли по поселку. Баба Бер сияла, гордо поводила головой, косила на всех встречных глазом и на вопросы: «Дождались гостя?» с напускной небрежностью отвечала: «А куда ему деваться, приехал-таки».

– Я к тебе, Баба Бер, недельки на две. Экзамены сдал, отец и говорит, езжай, красный молодец, к морю, штопай свое расшатанное в университетских бурях здоровье. А куда ехать, к кому ехать? К тебе ехать! Мать велела кормить, опекать и беречь «дитя» пуще глаза своего, – шутливо закончил я.

– А то я без нее не знаю, что да как. Ишь ты! А то забыла, что я ее не в пример старше, – пробурчала Баба Бер и вдруг, остановившись, придирчиво спросила: – Что ж только на две недели, мать писала, что вроде бы на месяц собирался?

– Верно, собирался, но потом к туристской самодеятельной группе присоединился. Ребята сейчас по Крыму будут ездить или ходить, как придется, а потом они сюда заглянут, и все вместе к кавказским берегам подадимся. Оттуда в Москву.

– Было б что интересного в кавказских-то берегах, – пренебрежительно фыркнула Баба Бер.

– Да ведь не был ни разу, – начал оправдываться я, – и ребята свои, с од ного курса... Не могу я их бросить.

– Ладно, ладно, – перебила меня Баба Бер, – спасибо хоть так приехал, порадовал.

Переулками мы прошли на Береговую улицу, миновали улицу Победы и вышли к дому.

– Ух, стара я стала, Сашенька. Без груза взошла на пригорочек и то запыхалась. Стой, куда торопиться? – сказала Баба Бер и, тяжело дыша, вытерла скомканным платочком взмокший лоб.

Маленький глинобитно-ракушечный домик Бабы Бер приветливо встретил меня низко нахлобученной давно не крашенной крышей и чисто вымытыми стеклами окон, сквозь которые виднелись кончики белых занавесок и темно-зеленые ладошки листьев примулы и герани. Мы вошли во двор. Баба Бер пошарила в кармане юбки, вытащила ключ, нагнулась над замком и, широко распахнув дверь, сказала:

– Милости просим, гостек дорогой.

Я шагнул в знакомые сенцы, оттуда прошел в комнату, положил на широкую скамью вещи и огляделся.

– Все-то у меня по-старому. Только собаку кто-то из туристов то ли сманил, то ли силком увел. Жалко, конечно, ну да Бог с нею. Новую не завожу, летом отдыхающие обижаются, спать не дает, гавкает.

– Хорошо! Ох, как хорошо у тебя!.. Ты даже представить себе этого не можешь, – сказал я, с любовью глядя на чисто выбеленные стены с висящими тут и там пучками каких-то трав, на старенький стол, покрытый клетчатой, с детства знакомой скатертью, на незатейливую кухонную утварь, связки лука, чеснока и сушеной ставриды над печкой.

– Ладно тебе нахваливать. Мыться иди, а я на стол собираю.

Я взял мыло, полотенце, вышел во двор и под старой корявой грушей долго фыркал и плескался, бодая носик зеленого умывальника мокрым затылком.

– Иди есть, Сашенька. Полно тебе, гляди, кабы сороки такого чистюлю не унесли, – выглянув, позвала меня Баба Бер.

– Ух ты, какая благодать! – я в восхищении замер на пороге, глядя на стол, отягощенный прекрасным грузом щедрых крымских даров.

Посреди стола высилась оплетенная запотевшая бутылка с любимым мною сухим вином. Вокруг нее тесным кругом стояли глубокие тарелки, доверху нагруженные тугими щекастыми помидорами, гроздьями дымчатого винограда, смуглыми с длинными шеями грушами и поздними душистыми персиками. Рядом с помидорами приткнулась миска с вяленой ставридой. Рыба ошетибилась промасленными хвостиками вперемешку с зеленым луком и длинными бородавчатыми огурчиками. Лук был только что вымыт, и на его острых стрелках дрожали и круглились прозрачные капли воды. На краю стола в чистом льняном полотенце крутой горкой лежали теплые вареные яйца. Между пирогом и блюдом с яблоками, выставив вверх мясистые ноги, расположилась весьма упитанная, посыпанная петрушкой курица. Рядом с ней стояла глиняная крынка с топленным, подернутым оранжево-розовой корочкой молоком.

– Если через минуту я не попробую всей этой благодати, я срочно падаю в обморок, – заявил я, закачался и со стоном ухватился за спинку стула. – И когда же ты успела?

– Вчера готовила. Сегодня только яйца варила, а так бы не управиться. Садись, Сашенька. В городе, поди, кусочка не съедите, чтобы его на десяти прилавках не поваляли да через двадцать рук не пропустили. Что уж это за пища, название одно.

Я поспешно повесил на гвоздь полотенце, сунул на подоконник мыльницу и, потирая в предвкушении руки, уселся поближе к вяленой жирной ставриде.

– Наливай, Саша, выпьем со встречей. Бутылек-то мне сосед подарил. Как узнал, что ты едешь, вот и принес. Свой у них виноград, и вино не купленное, руками в дому давлено.

Я наклонил бутылку, налил светлого легонького вина Бабе Бер и себе, и пир начался.

Через час, перекормленный и убаженный, я с трудом вылез из-за стола и торжественно объявил:

– Спасибо тебе, Баба Бер, великое, давно так вкусно не ел. Ты свои плоски-поварешки пока оставь, я сейчас подарки тебе вручать буду.

Баба Бер встрепенулась, порозовела, жестом прилежной девочки поправила волосы и фартук и засемила ко мне. Я раскрыл чемодан и рюкзак и стал передавать ей свертки и пакеты.

– Мясорубку новую просила – получи. Это тебе от отца. Очки получай, а еще колбаса гуцульская, твоя любимая, я покупал, а вот еще чайничек заварной и чулки шерстяные... От мамы отрез тебе на платье, она сама выбирала, а лично от меня – фирменные комнатные тапочки. Обрати внимание, на чисто лосевой подошве.

Баба Бер, нагруженная свертками, покрутилась по комнате и наконец свалила всю грудку на свою кровать. Прежде всего, к моему великому удовольствию, ухватилась за тапочки. Вертела их так и этак, подносила к самому носу, любовно рассматривала расшитую шелковым разноцветным узором кожу и меховую белую курчавую опушку.

– Ну чисто царские, – восхищенно воскликнула она и стала фартуком тереть и без того блестящую кожу. Потом померила и потопала ногами. – В самый раз. Вот спасибо, вот уважил. Родного внука нет, так ты балуешь, – сказала она и вдруг забеспокоилась: – Ну-ка, материю погляжу, горохами не люблю, старушечий рисунок, ну его, в клетку бы...

Баба Бер быстро развернула сверток и ахнула:

– Мать, поди, выбирала, мой цвет, по моим годам приличный, и клетка крупная, все полней буду выглядеть, как считаешь? – спросила она меня, раскинув материал на груди, прижав его подбородком.

– Отлично, Баба Бер, очень тебе идет, полнит, освежает и даже молодит. Очки померяй.
– Ну уж и очень!.. Давай очки. Спасибо отцу твоему, Илье Петровичу, где их тут закажешь, стекла больно мудреные, говорят.

– Ну как очки?

– И ты, скажи, как постарел, – ошарашила меня Баба Бер, рассматривая мою физиономию, – а без очков я бы и не заметила. Сколько тебе годков сейчас? Поди, под тридцать? – подразнила она меня.

– Не прибавляй – двадцать два.

– А молодая жена где?

– Не сподобился, Баба Бер, бракуют меня девушки. Несерьезный, говорят, не гожусь для уравновешенной, спокойной семейной жизни.

– Еще чего! – вдруг обиделась и сделала губы оборочкой Баба Бер. – Такими будут бросаться, в девках насидятся. Ну, а нам и подождать можно, молодой еще, твое время не вышло. Не бойсь, бобылем не останешься.

– Правильно, Баба Бер, они еще у меня наплачутся, накланяются, – улыбнулся я.

– Ты, Сашенька, спать, наверное, хочешь? Ночью-то в дороге, поди, глаз не сомкнул?

– Спать пока не хочется, я в автобусе подремал. Я на чердак твой прицелился, там буду спать. Простыни мне давай ситцевые с цветочками, пусть будет, как в детстве.

– А у меня и нет других, – весело сказала Баба Бер и полезла в сундучок за постельным бельем. – Подушка тоже твоя, помнишь, ты ее все за углы сосал, когда мать у тебя мячик отнимала, чтоб грязный в постель не тащил.

– Такой солидный мужчина не мог заниматься таким несолидным делом, – энергично запротестовал я.

– Еще бы! – ухмыльнулась Баба Бер и добавила: – Ты давай устраивайся, а я по хозяйству схожу, курам корму брошу.

– Только ты приходи скорее, посиди около меня, соскучился я.

– Ну уж и соскучился, – не без удовольствия сказала Баба Бер и вышла.

Я влез по лестнице на чердак, достал из чемодана пижаму, переоделся, лег, вытянулся во весь рост и глубоко вздохнул. Дома! Из открытого чердачного окна было слышно квохтание сбегавшихся на кормежку кур, дробный стук падающего на землю зерна и звонкий голосок Бабы Бер: «Цып, цып, цып, клушечки, цып, цып, цып, кормилицы...»

– Улегся? – окликнула меня снизу Баба Бер.

– Залезай ко мне, садись рядышком, беседовать будем.

Баба Бер довольно легко одолела четыре перекладыны короткой лесенки и уселась у меня в ногах.

– Как мать с отцом, Сашенька? Здоровы ли? Как живут, все ли по-доброму?

Я стал рассказывать о родителях, подробнейшим образом останавливаясь по просьбе Бабы Бер на всякого рода пустяках, не стоящих, с моей точки зрения, никакого внимания. Она слушала, изредка вставляя свои излюбленные «Ишь ты, как оно обернулось» или «Надо же так случиться». Наконец, я в свою очередь спросил у Бабы Бер, что нового в поселке?

– Да вроде ничего нового... Разве что на нашей улице один хороший человек домик купил помершей тетки Герасименки. С семьей поселился.

– Чем же хороший?

– А как же: трезвый, рукастый, все может, в семье у него мир да лад, да и сосед добрый, чего ни попросишь, – сделает и денег берет не так чтобы очень, а если что по пустякам, так и вовсе ничего не возьмет. А наши-то местные деды, которые в соседях, что творят? Пообещает помочь и не придет, или деньги возьмет загодя, пропьет, и спросу с него нет, или сделает так, что потом три раза за ним переделаешь.

– Они знаешь, по какому принципу работают? «Хорошо сделаешь – клиента потеряешь!»

– Как это? – не поняла Баба Бер.

– Если он сделает хорошо, то ты к нему с этим больше не пойдешь, а если плохо, еще не раз накланяешься, так и держат клиента на веревочке.

– Да уж, – согласилась Баба Бер, сокрушенно покачала головой и опять про соседа: – Жена у него баба сердечная, работающая, и ребятишек трое, мал мала меньше, погодки. Увидишь при случае.

– А с отдыхающими у тебя как?

– Этим летом в июле какие-то немилые попались. Все им не то и все не так. В санаторий путевки не достали, вот и попросились ко мне. Я возьми да и пусти, потом уже локти кусала, а не выгонишь. Все нервы мне повыдержали. И холодильник не такой, и телевизора нет, и горячей воды нет, и комары кусаются, и простыни с цветочками. А что ж, что с цветочками? Цветочку душа и глаз радуются. Я уж их уговаривала, что все эти телевизоры да телефоны и в городе их загрызть успеют, а тут пусть на Божий мир глядят, в горы ходят, на солнце да на море любуются, на то и приехали. Да где там! Одна тут, ну жена которая, все к мешочкам моим придиралась, а что в них плохого? Травки целебные, и пусть себе по стенкам висят, от них дух в доме хороший. Шумные люди, городом вконец попорченные, где уж им всякие тихие радости понимать. Так и уехали, деньги отдали, а спасибо и доброго слова от них не слышала.

– Ах ты. Баба Бер! Тихие радости, значит? Знаешь, как мать с отцом тебя называют? «Прелесть ты наша» – вот как!

– Ну уж и прелесть, выдумают такое, – засмушалась Баба Бер.

– Еще что-нибудь расскажи.

– А что ж тебе рассказать, для сказки велик больно, прошло твое время.

– Расскажи, как мои родители с тобой познакомились, про меня маленького расскажи. Понимаешь, я к тебе, как в детство, вернулся...

– Да уж сказывала все, когда в прошлый раз приезжал.

– Забыл, еще расскажи, – схитрил я.

– Ну, слушай, коли спать не хочется. Илья Петрович и Анна Сергеевна, родители твои, еще молодые были, а ты и вовсе крошка. Отдыхать вы сюда приехали. Вы тогда еще не в Москве, в Ленинграде жили. Отец твой не любил, где шум да народу много, а тут ему поглянулось, решили в поселке остаться, а жить их к себе никто не берет. Да и то сказать, зачем хозяевам беспокойство лишнее с дитем малым брать, когда холостых отдыхающих много. У меня в ту пору как раз двое мужчин уезжали. Пожалела я их и пустила. Месяц прожили да и полюбились друг дружке. Ну, пожили вы и уехали. Провожала я вас, как близких своих, и на следующее лето зазывала. С мамой твоей, как уезжали, всплакнули даже, а на нас глядя, и ты заревел, в меня вцепился. После этого не забывали меня, письма писали, с праздником да с рождением моим поздравляли. На другое лето опять приехали, я для вас место держала, никого не пускала. Вроде родных мне стали, а ты и вовсе привязался. Родители твои, бывало, и в горы, и в кино, и на экскурсии по морю, а ты маленький, куда тебе за ними гоняться, тебе и поесть, и поспать надо вовремя, вот мы и толклись с тобой по дому, по хозяйству, огород поливали, козу пасли, обед варили, одним словом, хозяйствовали. Тогда вы меня и стали звать Бабой Бер.

– А не обижалась, тебе ведь тогда еще сорок было!

– Да что там, – отмахнулась Баба Бер, – плохого в том нет, и обиды на людей не держу. Человеку и прозвище можно сказать ласково, и по имени-отчеству окликнуть так, что за обиду принимается.

– Ну, дальше.

– Вот так-то вы летом приезжали и еще собирались, а тут война началась. Илью Петровича сразу же в армию взяли, а мама твоя в Ленинграде с тобой осталась, сильно бедствовала, растерялась. Оно, ясное дело, трудно ей без привычки было одной, да и голодно. За тебя пере-

живала. Ты и до войны, на мирных харчах, как блеклый стебелечек, был, а тут совсем захирел. Подумала я, подумала да и позвала вас к себе, легче тут было прокормиться. Куры у меня, коза, не смотри, что завалиющая, а как-никак на вольных травах каждый день около двух литров молока давала; огородишко, картошка да и всякая зелень своя была. И рыбкой иной раз разживусь, у местных рыбаков на молоко поменяю. Они, бывало, как хамса или ставрида шла, ведрами лавливали. Анна Сергеевна мужу написала: так, мол, и так, зовет Баба Бер в Крым, как присоветуешь? Илья Петрович от Ленинграда неподалеку служил, на день отпросился домой, собрал вас да и отправил. Приехали вы худющие, одни глаза, а уж тебя малым ветром качало. Сюда, домой, мать чемодан волокла, а я тебя на руки взяла, все старалась разговорить, а ты – головушку в сторону и лицо ерошил, и не понять было, то ли улыбнуться, то ли заплакать хочешь.

– Баба Бер, – перебил я ее, – надо говорить морщил лицо, а не ерошил.

– А почему нельзя, если ты ерошил? – предельно аргументированно возразила Баба Бер и продолжала: – А уж какой живой, веселенький да непоседливый раньше был, смеялся, аккумулят, как курица квохчет, и всё следом ходил за мной, за палец держался. Ну да ладно. Зажили мы втроем. Под огород с Анной Сергеевной еще землицы прикопали внизу возле колодца. Там гороха и фасоли посадили и тут, возле дома, побольше огурцов и рассады помидорной понатыкали. Мама твоя аттестат за отца получала, деньги то есть, так что на хозяйство деньги были. Мало ли, то на керосин, то на мыло, на спички, на мелочь всякую хозяйскую, да и за свет платили. Ну, худо-бедно жили-таки, не пропадали. Вы, малость, на деревенских то харчах, на вольном воздухе отходить начали, телом прибавились. Чирьи с тебя после морской воды сходить начали. Так вот оно и шло, да вскорости немцы в Крым пришли. Налезли, ну чисто саранча озверелая. Тут, в поселке нашем, одни бабы, старики да ребятня остались. Все по своим норам попрятались. Один был мужчина в селе, сорока годов, Михайла Запаняга, безрукий, с одной рукой еще с Гражданской, так они всё его в старосты приневоливали, а он им наперек, да чего-то ихнему офицеру обидное высказал, так его сразу же в Черной балке автоматом, говорят, убили и хоронить не велели. Собака его все к нему бегала, выла, пока и ее не убили. Старики наши на третью ночь сговорились и украли труп-то, в чистое обрядили, а зарыть побоялись, да и долго, увидеть могли, так они его в лодку, отплыли подале от берега, груз привязали к ногам и в море спустили, чтобы человека на поругание не выставлять. На следующее утро немцы кинулись, а могилы, известное дело, не было, и виноватых так и не нашли. Жили немцы в конторе да внизу, где раньше общежитие совхозских рабочих было, а харч всякий у баб отымали, считай, всю живность перебили и огороды испакостили. А наш двор не трогали. Некоторые из соседей всякое думали, а всем не расскажешь, почему так получилось. А было вот как: начали они по дворам да домам шариться и в наш двор двое зашли. Один, вроде ундер, по-нашему малость понимал, а другой, похоже, солдат был. Он в сараюшку пошел, а ундер к дому направился. Обомлела я и думаю, как бы беды не случилось, тебя за шиворот к себе подгрэбла. Взошел он, посмотрел на тебя, ничего не сказал, а в это время Анна Сергеевна простыла шибко, жар у нее был, и кашляла так, как в пустую бочку поленом колотила. Она за перегородкой сперва тихо лежала, а тут, как на грех, как закашляется, как зайдет... Ундер шагнул туда, и я за ним шмыганула, смотрю, согнулась мать твоя чуть ли не пополам, откашляться не может, задыхается, на щеках от натуги красные пятна пошли. «Кто есть?» – говорит немец. «Дочь, дочь, а это внучек мой, большая она совсем». Немец и спрашивает: «Чаяхот есть?» Я поначалу не поняла, а потом головой закивала: «Чаяхотка, – говорю, – скрутила, совсем баба пропадает». – «Муж есть зольдат?» Ну, тут уж я пошла врать, где что взялось. «Какое, – говорю, – солдат, его еще до войны на лесозаготовках деревом придавило до смерти, а дочь вот я на излечение к себе взяла, да видать не судьба, помрет». Смотрю немец задом, задом, да и к выходу. Того, который во дворе промышлял, подозвал, сказал ему что-то, и убрался они и с той поры ни во двор, ни в дом не входили. Даже молоко ни разу не отобрали и кур не

трогали, брезговали, значит, опасались. А нам и то ладно. Так и прожили, спасибо, соседи не выдали, знали ведь, что Илья Петрович в армии, а не нашлось черной души, чтобы снаушничать. Как немцев из Крыма погнали, поселок наш как на свет народился, и бабы помолодели, а то все, как старухи, от порога к порогу согнувшись, шмыгали, да и старики плечи расправили, бороды повыставляли, и ребяшня повеселела. Легче стало, на конец войны стали надеяться. Илью Петровича вскорости после этого ранило, мама твоя к нему в госпиталь в Москву собралась, гостинцев наших крымских повезла, а ты со мной остался. Я думала, что плакать будешь, за мамкой тянуться, а ты – нет, как с родной бабкой остался, и горюшка тебе мало, что Анна Сергеевна уезжает. Пока матери не было, беда тут с тобой приключилась, с козой вы что-то не поладили, не поделили. Она тебе и поддала под задок. Рог у нее один сломан был, и кончик острый торчал, так она тебя тем кончиком и подковырнула пониже спины. Я в ту пору на родник за свежей водой спустилась, слышу, взревел ты дурным голосом. Меня как ветром сдуло, ведра побросала и домой. Гляжу, ты в кусты захоронился, от козы, значит, спрятался и уже не реवेशь, а так-то горько да обидчиво всхлипываешь и за штаны сзади держишься. И уж жалко мне тебя стало махонького до невозможности, кажись, за всю жизнь никого так больше не жалела. Взяла я тебя на руки дрожащего да зареванного, принесла домой, кровь с ранки обмыла, примочку из сока ягодок сладила и завязала.

– Какими ягодками? – придирчиво поинтересовался я.

– Целебными. Они всю нечисть да грязь убивают. После уж тут одна ученая сказывала, что родом дерево, на котором эти ягоды рождаются, из Японии, софорою его зовут. Ничего, полезные ягоды и против ломоты суставной очень помогают. Ну вот зажила у тебя ранка, и к приезду Анны Сергеевны ты уже и думать о ней забыл, а мне твоей мамке сказать боязно, а ну как заругает: «Куда ты, скажет, старая курица, смотрела, дите убереечь не могла». А сказать надо, вдруг как от соседей узнает или сама увидит шрамик-то. Мучалась я, мучалась, а все ж призналась и шрамик показала. А она глянула так-то ласково и говорит: «Благодаря вам, Баба Бер, я и мой сын живы остались, а то, что меточка у него пониже спины, так я ее давно увидела, и это такой пустяк, что о нем и говорить не стоит».

Баба Бер вздохнула с явным облегчением и погрузилась в воспоминания. Я подождал немного, глядя на ее отрешенное, задумчивое лицо, и спросил:

– Что ж не расскажешь, как партизанам продукты носила?

– Да Бог с тобой, нешто я носила? Я бы со страху обмерла. Это пастушонок Гришанька носил, отчаянная голова.

– А у тебя не отчаянная? Жену красного офицера прятала да еще и продуктами партизан снабжала. Тебя за это два раза повесить могли, знала об этом?

– Знала! Ну и что? – Баба Бер лихо вздернула брови и вызывающе выпятила худенькую грудь.

– Вот ведь женская логика. Ты же только что говорила, что со страху бы обмерла. За милую бы душу расстреляли или повесили бы вместе с Гришанькой.

– Ништо-о-о, – усмехнулась Баба Бер, – где им? Немцам-то? У нас в поселке все, кроме многосемейных, продукты для партизан отделяли. Запыхались бы, вешамши да стрелямши. Ведь им тут, как той худой собаке, приходилось крутиться, не знали, на кого скалиться, то ли на партизан, то ли на армию нашу, то ли на местных.

– Будь на то моя воля, я бы тебе, не то что медали, ордена не пожалел, – расщедрившись, заявил я.

– Куда уж, – отмахнулась Баба Бер, – не велики заслуги, и так ладно.

– Рассказывай, пожалуйста, дальше.

– Отца твоего, Илью Петровича, значит, через месяц после операции отпустили из госпиталя и признали, что ему на фронт из-за ранения никак невозможно. Стали вы с мамой собираться домой, к отцу. Он, как выписался, в вашей старой квартире зажил и ждал вас.

Очень мне не хотелось одной опять оставаться, привыкла я, а уж главное, к тебе, малому, сердцем пристроилась, да что поделаешь. Жизнь, она нас не спрашивает, по-своему управляется. Уехали вы, а меня не забыли, каждый месяц одно, а то и два письма получала, и все, бывало, радовали меня твои родители, про тебя все-все подробно описывали: и как ступил, что сказал, и как меня вспоминаешь. Посылочку мне прислали: четыре куска сахара пиленого, платок байковый, с кистями, кастрюльку, чая пачку, две коробки спичек, носки новые, кусок мыла хозяйственного.

– Ух ты! Богатство какое, завидно даже, – поддразнивая Бабу Бер, я засмеялся.

– А ты не смейся. Ишь ты какой! По тем временам богатущая была посылка. Тогда малую крошку хлеба и ту учитывали, каждую спичку надвое делили, а сахару и вовсе было не достать. – Баба Бер укоризненно посмотрела на меня. – Как война кончилась, вы из Питера перебрались в Москву, Илью Петровича в Сибирь и на Дальний Восток отослали на два года лес отгружать, отстраиваться наново России требовалось. Считай, все города и поселки фашисты поломали, все жилье у людей порушили. Втроем вы туда поехали, а как вернулись в Москву, тебе уже восьмой годок пошел, в школу пора. Ну, а потом вы еще приезжали, да ты уже больший был, сам, поди, все помнишь. Ну, хватит, что ль, сказывать, уморил ты меня.

– Хватит, Баба Бер, спасибо. Ты знаешь что? Живи долго, долго, а я к тебе буду приезжать и в тридцать лет, и в сорок, и в пятьдесят, а ты мне каждый раз будешь рассказывать про все и про меня, хорошо?

– Да уж и так живу, куда я денусь, – ответила она, явно не желая огорчать меня и портить такой чудесный день. – Приезжай, милоч, радуй бабку. Тебе здесь сейчас скучно будет, поздненько ты приехал, которые молодые отдыхали, поразъехались, а из местных нет тебе человека под стать, чтоб и молодой и ученый был, соскучишься, поди!

– Ничего, Баба Бер. Мне, понимаешь, шум, гам, приятели всякие, концерты, телефоны, транспорт – ох как надоели! Я, как ты выражаешься, за тихими радостями приехал. Снасть мою рыбацкую сохранила?

– Цела, как же, как ты спрятал в сарае, так там и лежит, куда ей деться!

– А лодки свои у кого тут из соседей есть? С берега не очень-то половишь.

– У Тихона есть, да не возьмет он тебя, такой бирюк, все сам да сам в море ходит. Еще у Ивана Синявина, так у него своя компания, им с тобой не с руки, – усмехнулась Баба Бер. – Они не столько ловить ходят, сколько от женок своих хоронятся в море да водку там трескают. Третьего дня чуть не потонули, мотор поломался, а тут ветер низом, с берега. В море их лодку и утянуло, а пьяным не выгрести. Катер пограничный подобрал их, пьянчуг несчастных. А то еще у Степана Савельевича попытать можно, только хворает он, погодить надобно, – в раздумье сказала Баба Бер и вдруг спохватилась и всплеснула руками. – Аюшки мне! Как же это я, старая, позабыла, Алексей Николаевич может тебя взять.

– Кто такой Алексей Николаевич?

– Человек тут занятный поселился, прошлой осенью лодку негодную у рыбаков купил за десять рублей да всю зиму провозился с ней, все ладил ее да обихаживал. Теперь-то она у него как новенькая. По белому борту красной краской название вывел «Ника». Богиня, сказывал, есть такая, а что она за богиня, кто ее знает. – Баба Бер в недоумении пожала плечами и с удовлетворением закончила: – Местные лодку-то Нинкой кличут.

– Ну-ну, – засмеялся я, – дальше.

– А сам он человек ученый, в двух институтах будто учился. Все про природу всем рассказывает, лекции читает, как, мол, все беречь, любить да хранить надо. За ним каждый раз машину присылают из санаториев и турбаз, чтоб он, значит, старый, по автобусам не мыкался. Домишко его по нашему порядку шестой, махонький домик-то, семейным там не развернуться, а ему, одинокому, – в самый раз. Мать свою и сына старшего на войне потерял. Сына убили, а мать в бомбоубежище вместе с соседями засыпало. Сам тоже воевал с немцами, раненый был,

вся грудь в шрамах, ребягня на пляже видела. Два года назад в Москве жену похоронил, сам сюда приехал, домишко по дешевке купил. Не хочу, говорит, в городе жить... А один раз, – Баба Бер понизила голос и с заговорщическим видом наклонилась ко мне, – я его хмельным видела.

– Не может быть!! – в свою очередь, сделав таинственную физиономию, притворно удивился я.

– Вот и я так думала, что не может, а оно один разочек и да оказалось. Захожу это я к нему весной, на День Победы, с молоком, а он сидит при сапогах, в гимнастерке, ордена на грудь повесил, и на столе бутылка водки напополам пустехонькая. Меня-то он не заметил, спиной сидел, лицо в ладонях зажал, раскачивается и тихонечко приговаривает: «Иванушка, сын мой, Иванушка, сын мой, Иванушка, мальчик мой...» Сына он своего старшенького убитого жалел, значит. Постояла я, постояла, потом, чую, плач к горлу подступает, банку с молоком поставила у двери и вышла. На День Армии и на Победу он военное надевает и ходит так-то по поселку, красуется, гордый да ладный, – Баба Бер встала, высоко подняла голову, развернула плечи и прошлась по чердаку журавлиным шагом, стараясь показать мне, какой Алексей Николаевич гордый да ладный в военной форме, потом села, пригорюнилась и добавила: – А все едино, как ни хорохорься, а годы берут свое, старенький уж, седьмой десяток разменял, а угомону себе человек не дает. Все-то он ездит, все-то он хлопочет, все торопится.

– О чем же хлопочет?

– Спросила я его как-то: «Что это вы, говорю, Алексей Николаевич, все куда-то ездите, беспокоитесь? Или хотите, как тот добрый конь, в борозде помереть?» А он засмеялся и говорит: «Добрый конем быть лучше, чем плохим, это первое, второе, – Баба Бер загнула на руке палец, – то, что дел у него еще много неперделанных, а времени мало осталось, и третье, – Баба Бер загнула еще один палец и наморщила лоб, – надо детей малых природу учить любить и от дураков и злыдней всяких защищать молодых». Я по неразумению своему возьми и ляпни: «Поздно хватились, не по силам теперь-то такое». «Нет, говорит, делать полезное, доброе никогда не поздно, я на этой борозде более полувека тружусь и помирать нигде в другом, кроме нее, месте мне не пристало». Вот как она человеческая жизнь оборачивается, – сокрушенно закончила Баба Бер.

– А больше детей у него не было?

– Еще один сын есть, Федор, в Москве живет. Наведывался прошлым летом. Парень ладный, видный. Вроде тебе ровесник, может, чуть постарше. Жена у него больно красивая, пылинки на себя упасть не дает и на людей не смотрит, а все сквозь да мимо. Старика, люди слыхивали, чем-то обидела, не велела сыну помогать Алексею Николаевичу, а он и так не просит, не нуждается. Сам сыну вроде бы говорил, что не надо ему ничего. Пенсию получает, огородик себе сладил, да деревьев корней с пяток еще от прежних хозяев осталось, и он еще посадил, фрукты да овощи, значит, свои. И еще рыбачить любит! Раньше всех в море выходит. А уж книгу него в доме – не обобратся, стен, веришь ли, не видать, все ими заставлено. Как сюда приехал, так ящиков много с собой привез, а наши-то, поселковые. думали, богатющий старик, вещи там всякие, а он как ни откроет ящик, а там все книги да книги. Во дворе расколачивал, ну ребягня и набежала, все им надо, глазастикам, все высмотрели.

– Заинтриговала ты меня, Баба Бер, до предела. То, что книг у него много, это очень соблазнительное обстоятельство, вот только захочет ли он давать их мне для прочтения? Возьмет и выставит из дома без всяких разговоров.

– Что ты, что ты! – энергично запротестовала Баба Бер и замахала руками. – Человек он тихий, безвредный, да и скучно ему одному. Собаку себе завел, из щенка вырастил, люди видели, как он его из отхожего места лопатой вызволил. Котенка кто-то ему подбросил, он и его пригрел, а потом подрост кот да и стянул цыпленка у соседки моей Любки Сапожниковой, стащил и вовсе его придушил, да покалечил и домой притащил. Уж и ругалась хозяйка,

кричала так, что на весь поселок слышно было, а он ей пять рублей заплатил, цыпленка выхотил, и сейчас у него вроде на хозяйстве курица имеется, да такая видная из себя, толстая, а ехидная и сердитая – не подступись! Перья натопырит, натопырит и наскакивает, ну чисто купчиха в крахмальных юбках. Хотел он хозяйке курицу отдать, да куда там, бежит та на свой двор, курица-то, так и живет у него. Ты сходи, познакомься. Севергин ему фамилия. Ученому человеку веселей будет, и тебе есть у кого ума набираться, а там, гляди, сладится у вас, и на рыбалку, может, вместе ходить будете. Говорун он и молодых, вроде таких, как ты, любит.

– К Алексею Николаевичу схожу непременно, сошлюсь на тебя, скажу, что ты мне разрешила к незнакомому человеку в дом вломиться.

– А ты не ломись, так и отпугнуть недолго, вежливо подступись к человеку, не позорь меня.

– Ну, а как ты сама живешь, Баба Бер? Бросила лозу резать в совхозе?

– Бросила уж, тяжело мне, Саша, целый день на солнце согнумшись. Стара стала. Осенью на уборке винограда месяц работаю. Бригадир каждый год приглашает.

– Скажите, пожалуйста, бригадир ее на работу приглашает! – пошутил я.

– А то нет? Знамо дело, приглашает. Он тут всех стариков на месяц подбирает, не управляет бригадой к сроку, а мы как-никак поможем с урожаем. И виноград нам по дешевке продают, и курам корму можно выписать на зиму. Мы совхозским подмога, и нам, старикам, помощь, – сказала Баба Бер и, заглянув мне в глаза, ласково спросила: – Ты-то как, Сашенька? Про себя расскажи, как живешь, как учишься? Я слово себе дала не помирать, доколе в газете не прочитаю, про что ты там писать будешь. А уж как прочту, так навеки и успокоюсь.

– Вот тебе и раз! – возмутился я. – Разодолжила называется! В таком случае я и писать ничего не буду. Лучше с голода помру в полнейшей тоске и безвестности! Шутка ли? Молодой журналист знает, что с появлением в печати его первой статьи в далеком Крыму милейшая наша Баба Бер, прочитав ее, ложится, складывает ручки и незамедлительно помирает. Да пропади они пропадом и статьи, и слава, и гонорар!

– Чего это, гонорар? – заинтересовалась Баба Бер.

– Ну, зарплата что ли, деньги одним словом, иначе, если за статьи мои ничего платить не станут, жить не на что будет, поняла? Бери свои слова обратно! – потребовал я.

– Беру, беру. Оно, конечно, какая жизнь без этого гонорару, – закивала Баба Бер седенькой головой.

– Кстати, о деньгах. Отец дал шестьсот рублей для тебя за то, что жить и кормиться у тебя буду.

– Не надо мне столько-то. Молоко, яйца, овощ не покупать, фрукта тоже своя, а на остальное рублей сто возьму, и хватит. Пусть тебе будут, ты молодой, тебе на всякие забавы деньги нужны, а мне с собой в могилу не брать. Люди правильно говорят: «В гробу карманов нету». Сыта, одета, и ладно. Ну, спи, Сашенька, пойду я по хозяйству управляться.

– Ты положи деньги на сберкнижку, пусть лежат, – рассудительным тоном посоветовал я.

– Никогда не копила и копить не буду, а то, как человек начинает этим заниматься, раньше времени своего на корню усохнет. Пошла я, слышь, коза-то кричит, время ей подошло доиться. Спи, отдыхай себе на доброе здоровье.

Баба Бер ласково покивала мне головой и ушла. Проснулся я часа через два. День уже был на исходе, жара спала, и с моря ощутимо потянуло прохладой. Я спустился с чердака и пошел к Бабе Бер на кухню. Она процеживала молоко через марлю и разливала его по банкам. Одну из них, литровую, она поставила на подоконник и сказала:

– Что-то Алексей Николаевич сегодня запоздал, вроде зайти посулился, и нет его. Может, снесешь? И познакомишься заодно. Все не без причины заявишься.

– Отнесу, – обрадовался я, – только вот так, в обнимку с банкой, неловко как-то я буду выглядеть. Дай-ка мне какую-нибудь сумку, с ней я попримечнее буду смотреться.

Баба Бер плотно закрыла банку пластиковой крышкой, поместила ее в авоську и подала мне.

– А это что? – показал я на плотно исписанные листки блокнота, лежавшего на подоконнике.

– Алексея Николаевича это бумажки. Ты их тоже возьми, отдай ему.

– Он что, часто бывает у тебя?

– Как же не бывает? Белье я ему за деньги стираю, да и яйца и молоко он берет каждый день. То я ему отнесу, то он забежит. Как случится. Я бумажки эти в кармане его куртки нашла, стирать собиралась, если б не заметила, пропали бы, а там, может, чего нужное.

Я вышел, на ходу заглянул в исписанные листки и вскоре остановился и сел на скамейку у чьих-то ворот. Содержание оказалось настолько для меня интересным, что я залпом прочел почти все, но потом спохватился. «Что же я это делаю, чужое читаю?» Но тут же поспешил оправдать себя: «Ведь это не что-то личное. Личное я бы не стал». Оправдав и успокоив себя таким способом, я дочитал все до конца.

Алексея Николаевича дома не было; я поставил авоську с молоком изнутри у калитки и осмотрелся. Двор был небольшой, ухоженный. Справа от домика зеленело несколько плодовых деревьев и огородик, где-то сердито кудахтали курица, в окно домика пялилась на меня добродушная собачья морда, а на перекладине лестницы сидел, свесив хвост, упитанный полосатый кот.

– Привет. Молоко береги, – сказал я ему и пошел домой.

Выписки Алексея Николаевича я взял с собой, оставить побоялся, мало ли что могло с ними случиться. И снова перечитал их. Они были сделаны, по всей вероятности, в разное время и из разных источников: книг, газет, журналов.

Я уже со второго курса живо и неизменно интересовался всеми вопросами, связанными с охраной и защитой родной природы, и в будущем намеревался заняться этим в своей журналистской деятельности всерьез и надолго. Я подбирал газетные статьи по теме, искал цитаты, делал выписки подобного рода. Но выглядело все это как-то бледновато по сравнению с тем, что я только что прочитал у Алексея Николаевича. Что ни текст, то совершенство, что ни имя, то слава и гордость либо науки, либо литературы и искусства. Вот содержание некоторых из них:

В моих глазах истребление любого вида – уголовный акт, равный уничтожению неповторимых памятников культуры, таких как картины Рембрандта или Акрополь (*Дж. Даррелл*).

...Исчезновение любого вида – непоправимая утрата в природе, воссоздать которую человек не в силах, несмотря на все могущество современной науки и технического оснащения (*В. Терлицкий*).

Мы не можем управлять природой иначе, как подчиняясь ей (*Ф. Бекон*).

Человек... единственное живое существо, способное полностью разрушить свое собственное природное местообитание и не почувствовать угрожающих признаков развала (*Ф. Абрамов*).

Оскудение живого мира неизбежно влечет к оскудению человеческого духа, дегуманизации человеческой личности, ибо природа является важным источником наших духовных ценностей и душевного здоровья (*В. Песков*).

Ничего нет печальнее картины, чем человек в умолкнувшем синтетическом мире... Природа взывает к нашему разуму и милосердию (*В.Песков*).

Леса предшествовали человеку, пустыни следовали за ним (*Ф.Шатобриан*).

Поведение человека в природе – это зеркало его души (*К.Зеленский*).

Природа мстит самоуничтожением за всякое бездумно-грубое вторжение в ее бытие... (*Ю.Нагибин*).

Бывает... стыдно, неловко и грустно смотреть в глаза всем неразумным братьям и сестрам своим. Как стыдно и жалко деревьев, лошадей, птиц, травы. Ведь они-то ни в чем не виноваты. Как нежны они, как бескорыстна их красота к нам старшим, разумным братьям своим. Как божественно целомудренны и воздержанны они в своих жизненных запросах. Ни зерна, ни росинки, ни лишнего лепестка, ни перышка. Ровно столько, сколько нужно, чтобы исполнить Закон (*М.Швейцер*).

Счастье – это быть с природой, видеть ее, говорить с ней (*Л.Толстой*).

Мы не получили Землю в наследство от предков, мы одолжили ее у наших детей (*из журнала «Человек и природа»*).

Потомки никогда не простят нам опустошения Земли, надругательства над тем, что принадлежит не только нам, но и им по праву (*К.Паустовский*).

Это была последняя цитата. Дальше шли несколько стихотворений и некоторые соображения Алексея Николаевича практического характера на ту же тему. Я прочел их и крепко задумался, стоит ли говорить Алексею Николаевичу, что я без его разрешения читал его записи. Долго колебался, но потом решил, что скажу: «Что же теперь поделаешь? Ничего не изменишь, но может быть, я заслуживаю снисхождения, так как сам "болею" подобными вопросами и проблемами и выписанное им упало на далеко не бесплодную почву». Вынеся таким образом себе как бы «оправдательный приговор», я спокойно пошел домой, переписал в свою тетрадь цитаты и нижеследующие стихотворения.

Если из гнезда упала птица —
Мне не спится.
Если где-то умер зверь в берлоге —
Я в тревоге.
Если раздавлю зерно невольно —
Мне больно.
Если ствол рвануло бесшабашно —
Мне страшно.
Им бы жить да жить на белом свете —
Я в ответе.
Я ведь тоже ими – как ни мерьте —
Защищен от смерти.

С.Островой

Кромсаем лед,
меняем рек течение,

твердим о том,
 что дел невпроворот...
Но мы еще придем
 просить прощенья
у этих рек,
барханов и болот,
у самого гигантского
 восхода,
у самого мельчайшего малька...
Пока об этом
думать неохота.
Сейчас нам не до этого
 пока.
Аэродромы,
 пирсы
 и перроны,
леса без птиц
 и земли без воды...
Все меньше —
 окружающей природы.
Все больше —
 окружающей среды.

Р.Рождественский

Пока не поздно,
На скрещеньях дорог.
Лесных,
Полевых,
Горных,
Межзвездных,
Надо бы начертать:
«Если заметите
Осквернителей
Нашей легко ранимой природы
(Короеда или мелкую тлю.
Огонь, подбирающийся к деревьям,
Или обычного разгильдяя
Из племени Homo turistica.
Который тоже способен на всякое...) —
Скорее звоните в пожарную охрану,
В милицию.
На станцию «Скорой помощи»,
Даже самому Богу —
Звоните,
Звоните,
Звоните!»

М.Танк

Конечно же, вышеприведенные тексты и стихотворения адресованы взрослым читателям, но кое-что я нашел в записях Алексея Николаевича и для детей. Вот стишок крымского поэта В.Орлова в сокращенном виде:

Если деньги накопить,
Можно многое купить,
Дом, одежду и завод.
Самолет и пароход.

Но нельзя купить росу,
Птичье пение в лесу,
И не спрятать в кошелек
Родничок и тополек.

Понравилась мне и коротенькая зарисовка Е.Дунской:

...И с нами ничего худого не случится.
Покуда легкий пар клубится над водой,
Покуда снег идет...
И быстрая синица
Садится хлеб клевать
На детскую ладонь.

В самом конце своих записей Алексей Николаевич пишет: «Надо поговорить с учительницей первоклашек Верочкой Олейниковой. И еще одна для нее же выписка. Автор Л.Леонов: "Дети должны стать защитниками природы, а не нахлебниками ее, не жестокими разорителями лесного уклада, должны всегда чувствовать в себе человека, покровителя более слабых созданий природы – тех, что чирикают, плещутся, просто зеленеют". В разговоре с ней я могу сослаться на ряд европейских стран, где курс охраны природы читается и для тех, кто "в первый раз в первый класс". Она умная, чуткая... Она поймет...».

Алексей Николаевич и его верноподданные

*Я думаю, я мог бы жить с животными, они так спокойны
и замкнуты в себе,
Я стою и смотрю на них долго-долго.
Они не скорбят, не жалуются на свой злополучный удел,
Они не плачут бессонными ночами о своих грехах...
...Знаменья есть у них, что они – это я.
Хотел бы я знать, откуда у них эти знаменья,
Может быть, я уронил их нечаянно, проходя по той же
дороге в громадной дали времен?*

Уолт Уитмен

На следующее утро, захватив выписки Алексея Николаевича, я вновь пошел к нему и вновь его не застал. Сосед окликнул меня через забор и сказал:

– Николаич на берегу, наживку ловит, на рыбалку завтра собирается. Туда идите, – он неопределенно махнул рукой.

Я поблагодарил его, направился к берегу и пошел вдоль него по направлению к Кара-Дагу. Море лежало спокойное и умиротворенное. Короткие, чуть слышные всплески волн лениво зализывали мои следы, оставляя на мелкой мокрой гальке обрывки водоросли цистозирры и прозрачные ошметки медуз, растерзанных, вероятно, недавним штормом. В воздухе стоял густой запах водорослей. В их темных тугих валках жило множество ярких морских блох. Стоило поддеть водоросли ногой и потревожить их, как маленькие прыгучие существа сразу же прятались поглубже, не давая ни поймать, ни рассмотреть себя. Местные мальчишки ловили на них всякую рыбу мелочь: ярко раскрашенных зеленушек, серебристых окуньков-недомерков и пучеглазых головастых бычков.

Я вспомнил, как принес однажды целую коробку, битком набитую этими блохами, домой и поставил ее до утра в сарай к Бабе Бер, прикрыв сверху половинкой кирпича, и как потом кирпич этот кто-то сдвинул, а куры распотрошили всю коробку и с великим удовольствием склевали всех блох – плод моего двухчасового упорного труда под раскаленным солнцем. Никогда до этого я не был так настойчив и терпелив и все-таки набрал этих проклятых блох, и – на тебе! Я ревел от обиды и обещал Бабе Бер перевешать всех ее кур, а Баба Бер кивала головой и говорила: «А как же их не перевешать, окаянных, за такое хулиганство. У-у-у, ненажоры, навязались на нашу с Сашей голову».

А потом я вспомнил, как поймал морского дракона и наколол палец о шип на его спинном плавнике и как распухла у меня рука, а мама и Баба Бер лечили меня примочками из софоры. И как однажды на берегу после шторма лежал крошечный мертвый дельфиненок, гладкий, холодный и упругий, как туго накачанная резиновая сигара, и мордочка у него была забавная и длинноносая, и хвост какой-то птичий. И как всем его было жалко, а потом мы с ребятами решили ему устроить пышные похороны. Витька Щадренко – мой главный, как говорила Баба Бер, супротивник, сказал, что его надо похоронить на берегу, а я ответил, что так как это морской ребенок, то и погребение должно состояться в море, согласно морским обычаям и законам. Этот глубоко принципиальный конфликт можно было разрешить только дракой. Она и состоялась, в результате чего посрамленный Витька забежал на скалу и грозился оттуда спихнуть на нас здоровенный валун. Я и мои сторонники привязали к хвосту дельфиненка камень, отплыли далеко от берега и опустили его там, и он медленно и торжественно погружался на дно хвостом вниз, а мы густыми голосами гудели какое-то подобие похоронного марша.

Потом мы по очереди ныряли к нему на дно и выложили круг из камней, обросших цистозиррой. Все получилось красиво и здорово. Дельфиненок «стоял» в воде в строгом чер-

ном траурном фраке, в «прорезе» которого сверкала белая манишка. Одинокий и элегантный, он гордо поднял вверх мертвую голову, вокруг него тихо шевелились водоросли, а на дне в почетном карауле застыли в черных «рубашках» камни. На следующий день подул сильный ветер. Начался шторм, и, когда море успокоилось или, как говорят в Крыму, «легло», мы уже не могли найти ни дельфиненка, ни «могилы», организованной нами из сострадания к погибшему морскому детенышу.

Целиком погруженный в воспоминания, я едва не наткнулся на человека. Стоя на коленях, он шарил рукой под большим камнем и, неловко изогнувшись, старался заглянуть в вырытую им песчаную ямку. Я сразу же узнал его, остановился и сказал:

– Здравствуйте.

– Добрый день, – ответил он, обернувшись.

За толстыми стеклами очков я увидел небольшие серые глаза. Смотрел он спокойно и доброжелательно. Светлый полотняный берет был сплюснен блином и надвинут козырьком на самые брови. Над пухлыми губами торчала аккуратно подстриженная щеточка седых усов. Оттого, что губы в уголках рта были чуть-чуть приподняты, выражение лица у него было такое, словно он только что перестал улыбаться или вот-вот улыбнется. В руке он держал маленькую морскую собачку и раковину мидии.

– Вы новенький здесь? – спросил он и, сунув рыбку и мидию в подвешенный к поясу мешочек, поднялся с колен.

– Вчера приехал.

– Отдыхать?

– Как вам сказать... и отдыхать, и провести.

– К кому, позвольте полюбопытствовать, не к Дарье ли Феофилактовне? Я имею в виду бабушку Березкину.

– К ней, – засмеялся я и добавил: – А ведь вы – Алексей Николаевич!!

– Ну вот видите, как хорошо получается. Давайте знакомиться, Саша, – улыбнулся Алексей Николаевич, вытер о подол рубахи руку и протянул ее мне. – Наслышан о вас от Дарьи Феофилактовны.

– Мы ее в семье Бабой Бер зовем, и вы так зовите, а то ведь длинно очень, пока выговоришь. Она не обидится, – заверил я.

– Неловко как-то, хотя в поселке все зовут ее Бабой Бер. Она так о вас, Саша, рассказывала, что мне в голову не приходило, что вы ей не родной внук. Ну ладно, мы еще с вами обо всем этом поговорим как-нибудь. Я вот тут охочусь за всякой мелкой живностью, завтра с утра рыбачить собираюсь. Если вам это занятие не в тягость и вы свободны, – присоединяйтесь. Но на двоих, соответственно, и наживки надо больше. Поможете?

– С удовольствием, – обрадовался я и, подвернув брюки, шагнул в воду.

– Вы помоложе, ворочать будете камни, сдвигать их, какие по силам, а я мешочек наполнять. Если морские черви попадутся, на кефаль сплаваем. Вчера, говорят, косяк стоял в Львиной бухте. – Алексей Николаевич помолчал и добавил: – Тут некоторые внакидку ловят крючками-якорьками, не люблю я этого, варварством считаю. Мы уж лучше на наживку попробуем. Снасть у вас есть?

– Донка есть, спиннинг и самодуров к нему парочка.

– Ну, на самодур сейчас плохо ловить, ставриды в этом году мало, стороной она наши бухты обошла. Вот запасемся наживкой и пойдем домой. У меня есть мелкие крючки и леска японская, донок навяжем. На ерша, бычка и луфарика сплаваем, а может, и сарганом разживемся.

Через час с плотно набитым мидиями, мальками и креветками мешочком мы двинулись в поселок. Солнце стояло уже высоко, было жарко, от скал волнами шел раскаленный воз-

дух, пахнувший нагретым камнем и полынью. В кустах скумпии оглушительно и упоенно орала цикада.

– Лето ликует, – сказал Алексей Николаевич, – надевайте сандалии, сейчас на каменистую тропку выйдем, щебенка там. Мне в мокрых кедах ногам удобно и прохладно. Я только в них у берега хожу и вам советую. Однажды на дохлого ерша голой ногой наступил, после этого целую неделю хромал.

Ближе к поселку Алексей Николаевич остановился, спустил закатанные штанины, поправил берет, снял с пояса и взял в руки мешочек. Глядя на него, я тоже застегнул ремешки сандалий и заправил рубашку в брюки. Переглянувшись, мы двинулись дальше.

– Алексей Николаевич, – сказал я, – вчера был у вас, не застал. Молоко у калитки оставил, велел вашему коту охранять его.

– Он у меня отменный воришка и до молока большой охотник, вот только крышка мешает.

Я помолчал, но потом решился и сказал:

– Записи свои вы оставили у Бабы Бер. Они в кармане куртки были, которую вы просили постирать. Не сердитесь, пожалуйста, я их прочел...

– Прочли, значит? – скосил на меня повеселевшие глаза Алексей Николаевич. – Ну и как, ну и что? Интересно? Понравились?

– Еще бы не понравились! – обрадовался я. – Я аналогичными вопросами с первого курса интересуюсь. Так что можете себе представить, с каким удовольствием я прочел их.

– Да-а-а-а! – протянул Алексей Николаевич. – Чувствую, что скучать мне с вами не придется. Говорить нам не переговорить.

Алексей Николаевич остановился у своей калитки и пропустил меня вперед.

– Вот и моя хижина. Стар домишко, но держится молодцом, и я надеюсь, что уж меня-то во всяком случае он переживет, не оставит без крова, – сказал Алексей Николаевич и, глянув через мое плечо, предупредил: – Тут курица Софи на жительство обретается, очень агрессивная дама. Двор считает своей кровной недвижимой собственностью, меня и сожителей моих только терпит, гостей, как правило, осыпает бранью. Что за удивительный характер! Ну ладно бы гусыня была или цыплят водила... Вон она, под деревом копается.

Я шел за Алексеем Николаевичем, с любопытством поглядывая на толстую темно-рыжую курицу. Вот она заметила Алексея Николаевича, потом меня, решительно перетряхнула перья и, раскачиваясь и набирая скорость, ринулась к нам.

– Внимание! – сказал Алексей Николаевич.

Мы остановились. Курица подкатилась к самым моим ногам и, медленно перекладывая голову с боку на бок, оглядела меня. Осмотр, вероятно, не дал ей ничего утешительного. В ее глазах я был не лучше других и в достаточной мере пройдоха, посягнувший на ее территорию, и потому она взорвалась такой бранной куриной скороговоркой, что я оторопел от неожиданности и тупо воззрился на пернатого Цербера.

– Вы знаете, эта особа всегда напоминает мне одесскую торговку, – задумчиво глядя на курицу, сказал Алексей Николаевич. – Посмотрите, как она упоенно «ругается», закатывает глаза и хлопывает себя крыльями по жирным бокам. Была в Одессе такая тетя Рива, торговала рыбой. Благодаря своим внушительным размерам и пронзительному голосу дешевле остальных скупала у рыбаков ставриду и втридорога ее перепродавала. Раньше всех на берег прибежит и лодки ждет. Рыбаки уже знали ее, как увидят, так предпочитают лишние полчаса в море поболтаться, пока она какого-нибудь другого ротозея заговорит и корзину наполнит. Перекричать ее было невозможно. Она выпаливала тысячу слов в минуту, совала под нос вконец ошалевшему рыбаку рыбу и вопила на весь берег: «Люди добрые, имею сказать до вас пару слов. Этот лайдак уговаривает мене, честную женщину, за то, что это товар». Рыбак в тон ей отвечает: «Гуляйте дальше, мадам, самолюбие мне дороже». «Босяк, – кричит тетя Рива, – с вами

дело иметь неприлично такой даме, как я, вам цыцю мамину сосать надо, а не торговаться. Нет, еще раз обратите ваше образованное внимание! Что вы скажете за эту рыбу, люди добрые? Это же не рыба, а несчастье на мою голову. Я все знаю за жизнь, я все знаю за рыбу. Что с этого будет? Ровным счетом убыток. Пусть я сделаю грех, если куплю этот протухший товар за вашу цену», – и т. д. и т. п., пока рыбак не отдаст весь улов за ту цену, которую тетя Рива сочтет нужным предложить.

Алексей Николаевич так точно передал одесские интонации тети Ривы, что я громко расхохотался. Софи тотчас перестала «ругаться», удивленно посмотрела на меня, как на травмированного жизнью, отвернулась и стала энергично разгребать землю лапами, осыпая пылью мои ни в чем не повинные ноги.

– Высшая степень недоброжелательства и пренебрежения. Я бы на вашем месте этого так не оставил, – усмехнувшись, сказал Алексей Николаевич. – Однако пойдемте, вам предстоит знакомство еще с двумя моими домочадцами, надеюсь, на этот раз более приятное.

Я, признаться, тоже на это очень надеялся, так как, обладая даже самой пылкой фантазией, Софи никак нельзя было обвинить в излишнем гостеприимстве.

Подойдя к двери, Алексей Николаевич нагнулся, достал из-под кирпича у порога ключ, открыл дверь и громко позвал: «Грей, Агапыч!»

Я в нерешительности остановился и посмотрел на Алексея Николаевича.

– Смелее, Саша, смелее, – сказал он.

Пройдя темную прихожую, я шагнул в комнату и осмотрелся. Прежде всего я увидел уже знакомого мне полосатого кота. Он лежал на подоконнике и смотрел на меня без всяких эмоций и заинтересованности. «Только и того? – ясно говорил его взгляд. – Ходят тут всякие!»

«Ладно, и на том спасибо, все оценивается в сравнении», – подумал я, вспомнив агрессивную Софи и начиная испытывать к индифферентному коту нечто похожее на симпатию.

– Это невежливо, собака! – укоризненно сказал Алексей Николаевич за моей спиной. – И потом, почему ты не на своем месте, а под диваном, пользуешься тем, что болен?

Я обернулся. Собаки не было. Вернее, ее не было целиком. Из-под дивана торчала задняя часть собаки и обрубок хвоста, энергично колотивший в знак приветствия по краю коврика.

– Вылезай знакомиться, Дон Жуан несостоявшийся, – приказал Алексей Николаевич.

Скуля и покряхтывая, пес вылез и остановился передо мной на трех лапах, держа на весу четвертую, опухшую и искусанную. Одно ухо стояло у него торчком, другое, рыжее от йода, сникло и было заклеено наискосок пластырем. Морда и глаза явно звали к человеческому великодушию и состраданию, и весь его вид говорил: «Обратите внимание, джентльмены, пострадал невинно в честной битве за благосклонность "дам"».

– Это Грей, – с особой теплотой в голосе отрекомендовал его Алексей Николаевич, – находится под домашним арестом, травмирован дважды в стычке с претендентами на сердце и лапу высокородной Альмы. Эта Альма, к слову сказать, имеет дипломированных родителей и несколько медалей, а посему смотрит на моего Грея, как избалованная патрицианка на жалкого плебея. А этот плебей не без самолюбия в драку полез, вот и прокусили ему соперники ухо и лапу. И куда ты со своей заурядной физиономией да в калашный ряд?! – горестно воскликнул Алексей Николаевич. – Нет, вы только посмотрите на него, Саша! Брови рыжие, нос клеенчатый, ростом «метр с кепкой», а туда же! Правда, имеет два преимущества: интеллект и пятно породистое пониже спины под хвостом. Так разве можно какой-то несчастный интеллект сравнивать с пушистым галифе Рэкса? Ах, какое это галифе! Если бы вы видели! С резким перехватом у колен и, поверите ли, Саша, с темной окантовкой по краям. Раньше такие анархисты носили.

– Алексей Николаевич, а какой Грей породы? По-моему, у него есть что-то от пойнтера.

– Какое это имеет значение, Саша, – пожал плечами Алексей Николаевич. – Помнится, один мой знакомый хорошо сказал: «Дворняжки тоже люди». В дом ведь берешь не так породу, как душу собачью, безмерно преданную и любящую.

Грей стоял и тоскливо смотрел на брюки Алексея Николаевича, и на его мрачной, покусанной физиономии было написано: «И чего пристаешь, в прошлом ковыряешься... без того тошно. Хоть бы сесть разрешил, видишь, ведь на трех лапах стою, воспитанностью фигурую!» Грей тяжело вздохнул и перевел красноречивый взгляд на меня, более молодого, и, «как мужчина мужчине», как бы «сказал»: «Если насчет галифе этого Рэкса, так я плевать хотел на их перехваты и окантовки. Только вертихвостка Альма способна обмирать и кидаться на разных породистых пошляков в окантованных штанах. Вот доберусь я как-нибудь до этих галифе, мало не будет!»

– Ладно, сэр, можете лезть в свое укрытие, там наедине вам действительно будет уютнее зализывать свои сердечные и телесные раны, да не забудьте при этом посыпать голову пеплом. – Ласково усмехнувшись, посоветовал Алексей Николаевич и направился к подоконнику. – А теперь, – торжественно произнес он, – позвольте представить вас третьему члену моего семейства, знающему себе цену, коту Агапычу – представителю дзен-буддийской философии.

Кот без всякого интереса посмотрел на меня, отвернулся и наверняка, как и прежде, подумал: «Стоило из-за таких пустяков тревожить такого умного, достойного кота, как я?»

– Видели? – живо спросил Алексей Николаевич. – Чисто кошачья реакция. Тоже недавно выбрался из баталии с разодранным носом. Беда мне с этими кавалерами. Ну, домочадцы мои исчерпаны. Знакомьтесь с библиотекой, а я отлучусь ненадолго. Вы как насчет сухого вина?

– Да вы не беспокойтесь, пожалуйста, не стоит, – смутился я.

– Ну а все-таки, как насчет сухого?

– Для меня это наиболее приемлемый вариант.

– Для меня тоже. Вы знаете, что сказал хороший французский писатель Альфонс Доде в отношении выдержанных напитков: «Остерегайтесь старых вин: они мелют вздор». – Алексей Николаевич взял пакет, бумажник, извлек из него пятерку и уже в дверях повторил: – Знакомьтесь с книгами, поройтесь в них. Не знаю как для вас, а для меня это всегда было величайшим наслаждением. Только просьба: книги возвращайте на то же место, а то потом будет трудно искать то, что мне нужно.

После его ухода я подошел к стеллажам и, медленно переходя от секции к секции, стал читать надписи на корешках книг. Боже мой! Чего только тут не было! Книги Руссо и Неруды, Вольтера и Пришвина, Омара Хайяма и Грина, Кента и Маршака, Уитмена и Ахматовой, Монтескье и Солоухина, Хемингуэя и Роллана. Внизу на двух полках стояла мемуарная литература, полный Шекспир и письма Чайковского, Пушкина, Чехова, Левитана. В соседнем отсеке плотно пригнанные друг к другу, в одинаковых темно-зеленых переплетах разместились литературные памятники, среди них и Бэконовская «Атлантида». Ближе к окну в простенке стоял еще один стеллаж, правую часть которого заняли русские классики, а левую – книги о животных и растениях, написанные такими великолепными авторами, как Кусто, Бианки, Сетон-Томпсон, Верзилин, Пришвин, Гагенбек, Акимускин, Рябинин, Лоренц, Халифсон, Даррелл и Чарльз Робертс. Две верхние полки под самым потолком были забиты этнографической литературой и книгами о путешествиях Обручева, Гумбольдта, Стэнли, Ливингстона, Кука, Дарвина, Скотта, Миклухо-Маклая...

Глаза мои разбежались, я завистливо присвистнул и почесал затылок. Здесь, на полупустынном морском берегу Крыма, была собрана библиотека, которой бы позавидовал любой столичный библиофил.

С трудом оторвавшись от созерцания книг, я окинул взглядом небольшую комнату. У стены стоял узкий, покрытый пушистым верблюжьим одеялом старый диван. Над ним висел пестрый потертый коврик. В угол задвинут небольшой буфет, на верху которого безмятежно

раскинул в стороны лапы керамический барсук. В другом углу у двери была импровизированная кухня: на высокой длинноногой скамье стояли электроплитка, заварной чайник, горка посуды, три всунутые друг в друга небольшие кастрюли. К двум ножкам кухонной скамьи были прибиты крючки, на которых висели сковорода, терка, картофелемялка, синяя щетка для мытья посуды и деревянная разделочная доска. «Кухня собственной конструкции», – догадался я.

У окна между двумя стеллажами стоял стол, на нем лежала стопка чистой бумаги, карандаши, ручки и пухлая папка с четко выведенной надписью «Журнальные и газетные материалы об охране природы». На стене у двери была прибита немудреная вешалка, на ней – пальто, шляпа, меховая вытертая безрукавка и на плечиках, обернутый простыней, вероятно выходной, костюм Алексея Николаевича. Внизу под вешалкой лежал стеганный клетчатый, судя по небольшим размерам, Агапычев матрац, около буфета в другом углу подле глубокого кресла разместилось точно такое же по цвету собачье ложе. Рядом с ними две до блеска вылизанные Греем и Агапычем миски.

В комнате ничего лишнего. От всего веяло устоявшимся, размеренным бытом одинокого человека, привыкшего к порядку и к тому, что любую вещь можно найти на том же самом месте, куда она была поставлена и день, и месяц назад.

В это время Грей радостно взвизгнул и застучал обрубком хвоста по полу. Агапыч открыл глаза, поднялся и, сделав спиной одногорбого «верблюда», улегся на другой бок. В дверь протиснулся Алексей Николаевич с пакетами и бутылкой вина в сетке. Грей вылез из своего поддиванного убежища, подошел к Алексею Николаевичу и попытался лизнуть его.

– Заждались? Очередь там. Ну-ну, Грей, можно подумать, что мы встретились после десятилетней разлуки. Обратите внимание, Саша, как он улыбается! И вообще, вы видели, как собаки улыбаются? Способность не так уж часто встречающаяся. Я говорил вам, что он у меня интеллектואл? Считается, что могут улыбаться и прирученные волки.

Я с удивлением смотрел на сморщенный собачий нос, на приподнятую верхнюю губу и на чистый ряд белых влажных зубов с небольшими клычками по бокам. Улыбка была настолько подкупающей и откровенно радостной, что я удивленно покачал головой.

– Никогда бы не подумал, если бы мне кто-нибудь сказал об этом, а ведь держал собак, но такого не видел. Ах ты, молодчина, – потянулся я к Грею, но он сразу же погасил улыбку, недоверчиво обнюхал мои ноги и отошел. Я огорченно посмотрел ему вслед.

– Не вдруг, не вдруг, Саша, – сказал Алексей Николаевич, убирая со стола все лишнее и разворачивая принесенные свертки, – чтобы завоевать любовь и доверие, время нужно, и потом запомните, если вы намерены познакомиться и подружиться с животным, советую представляться ему на корточках. Понижение роста четвероногие и пернатые истолковывают как признак миролюбия, и, кроме этого, вы становитесь вдвое меньше и знакомиться с вами уже не так страшно. Ну, а с Греем вы непременно подружитесь, пес он ласковый, привязчивый, вот увидите, – утешал меня Алексей Николаевич и с треском сдирал кожицу с колбасы. – А уж когда ему внезапно придет в голову, что вы разуверились в его собачьей любви и преданности, и он начнет убеждать вас в обратном, то вы его еще и навязчивым сочтете. Вот Агапыч, тот, каналья, себе на уме... Но – личность, скажу я вам... Вы читали кипплинговские сказки? Есть у него одна о кошке, которая гуляла сама по себе. Хорошая сказка. Жаль, что скупно переиздают его. Книги его стали сейчас библиографической редкостью.

– Даже у вас нет?

– Даже у меня нет, – улыбнулся Алексей Николаевич, поставил на стол тарелки с закусками, вино, чайные чашки и пригласил меня.

– Присаживайтесь, будем насыщаться. В вашем возрасте я, помнится, обладал отменным аппетитом, а отец, бывало, смотрел на меня и шутя говорил: «Все правильно – молодое, здоровое животное должно много есть». Сейчас не то, желудок пошаливает. Всех остальных в

этом доме кормить будем позже, хотя одна из кавказских пословиц гласит: «Хороший хозяин первой кормит свою собаку, а сам ест потом». Мы сделаем вид, что об этой пословице слыхом не слыхивали, но мои домашние в любом случае уверены, что уж я про них не забуду.

Грей сидел и спокойно наблюдал за тем, как мы усаживались за стол. Агапыч, почувствовав запах копченой колбасы, забеспокоился, сел, спустил хвост с подоконника и, взглянув на Алексея Николаевича «со значением», так громко и с басовитыми переливами замурлыкал, что Грей скосил на него глаза и поставил торчком здоровое ухо.

– Заявку делает, – прокомментировал Алексей Николаевич и погрозил коту пальцем. – Слышал, учел, оставлю, и, пожалуйста, без лишних напоминаний и демонстраций.

Я с удовольствием ел консервированную сайру, колбасу и огурчики. Алексей Николаевич, одобрительно кивая головой, подливал мне вина и беспрерывно подкладывал на мою тарелку то одного, то другого. Сам он ел мало и за все время так и не допил вино из своей чашки.

Наконец я сказал, что сыт совершенно, поблагодарил Алексея Николаевича и предложил ему помочь убрать со стола.

– Ну что ж, давайте быстренько наведем порядок. Я сам, знаете, не люблю засиживаться за едой. В семье у нас сидели за столом подолгу. Это меня всегда раздражало, даже в детстве, а порядок был строгий, выйти из-за стола можно было только с разрешения отца. Мне кажется, что разумный человек на еду, да и на сон тоже, должен тратить минимум времени.

– Боюсь, что многие, и особенно врачи, не согласятся с вами.

– Ну и пусть, – Алексей Николаевич беспечно отмахнулся. – Разве врачи понимают, что время – это величайшая драгоценность, если рекомендуют треть жизни отдавать сну?! Подумайте только: если вы проживете шестьдесят лет, двадцать из них вы должны будете проспать! Это ли не преступление и недопустимая роскошь?! Человек иногда говорит: «Мне сейчас каждая минута дорога». Надо, чтобы он говорил себе так каждый день. Вот вам, вероятно, знакомо особое ощущение, когда просыпаешься утром после новогодней ночи, на многое надеешься, много желаний, планов, твердое решение кое-что изменить, а что-то начать сначала, лучше. Мне кажется, что так надо просыпаться не один день в году, а все 365. Помнится кто-то хорошо сказал: «Люблю стариков, начинающих снова»? Мне даже в мои 66 лет не хватает суток, и если бы они вмещали не 24 часа, а 48, у меня все равно не было бы свободного времени. Вы только представьте себе, человек умирает, так и не успев прочесть несколько любопытных книг; не успел, а всю жизнь собирался вырастить дерево, южанин не увидел заснеженных елей Севера, северянин не услышал чудесных песен Грузии, не успел или не сумел пригреть или ободрить ни одного человека, не пожалел и не выручил из беды растение или животное... Это же трагедия! Понимаете? – страстно спросил Алексей Николаевич и, заглянув мне в глаза, покачал головой. – Наверное, еще не понимаете.

– Нет, отчего же? Понимать понимаю, но прочувствовать весь трагизм того, о чем вы говорите, мне, вероятно, пока не дано, – осторожно возразил я и, оглядев книжные стеллажи, сказал: – Я, Алексей Николаевич, восхищен вашей библиотекой. В тематической подборке чувствуется яркая индивидуальность и высокая культура владельца и мне кажется, что с такой библиотекой нельзя скучать и чувствовать себя одиноким даже здесь, в этом поселке.

– Ошибаетесь. Даже здесь и даже с такой библиотекой можно временами чувствовать себя одиноким.

Алексей Николаевич встал, взял тарелки с остатками нашего «пиршества» и разделил еду на две неравные части. Грею – побольше, Агапычу – меньше. Предприимчивый пес хотел было сунуться сперва к чужой миске, но, получив от Агапыча когтистой лапой по загривку, отошел к своей.

– Поделом тебе, жадюля! – сказал Алексей Николаевич и строго предупредил: – Попрошу без взаимных попреков, зависти и скандалов. Чавкать разрешается, а вот воровать – нет. Пра-

вильно говорят о них: «Собака – обжора, кошка – лакомка», хотя в моем Агапыче уютно сочетается и то, и другое. Хорошо, что мирно живут, наверное, потому, что знают сильные и слабые стороны друг друга. В драках с чужими котами и собаками, посягающими на их законную территорию, очень трогательно друг за друга заступаются, а потом в саду какую-то целебную, с их точки зрения, траву бок о бок лопают, локусы и царапины лечат. Животные, знаете ли, – это целый мир со своими огорчениями, радостями, ревностью, любовью, ненавистью, привязанностями. С ними не так одиноко... Домой иду, думаю, ждут меня, пропадут без меня, нужен кому-то. Вам не смешно? – вдруг спросил Алексей Николаевич. Сидя на корточках возле Грея, он повернул голову и внимательно посмотрел на меня.

– Что же тут смешного? У нас в доме животные постоянно живут. Три года даже двух собак держали. Один – свой, доморощенный, второй – подкидыш. Сейчас, правда, нет, но мы стоим на очереди в клубе собаководов на скотчтерьера. К Новому году должны щенка получить. Мне, Алексей Николаевич, родители рассказывали, что когда я еще совсем маленьким был, всегда тех людей, которые к нам в дом приходили, спрашивал: «Вы собак любите?» – и в зависимости от ответа «жаловал их или не жаловал», как выражалась моя мама, своим расположением.

– Ну, тут еще нужно учитывать и то, как сама собака встречает ваших гостей. Они, то есть собаки, как-то на уровне интуиции определяют, если можно так выразиться, «качество» человека. Бывают ведь случаи яростного неприятия собакой человека, и тут уж хозяину нужно как-то выходить из неудобного положения. – Алексей Николаевич улыбнулся и предложил: – Давайте мы как-нибудь поудобнее устроимся. Я уж в кресле, а вы рядышком на стуле. Вот как славно! – Алексей Николаевич почти утонул в своем большом старом кресле.

– Когда мне было лет одиннадцать-двенадцать, – сказал Саша, – я полтора месяца выхаживал щенка, которого мальчишки под электричку бросили. Прошел поезд, я побежал, смотрю – жив, только дрожит, распластался на песке между шпалами, голову от меня как-то под лапу прячет... Хотел я щенка на руки взять, а он дернулся, испугался, а сделать ничего не может, передними лапами шевелит, а задние обвисли, совсем не двигаются. Я заплакал тогда, и, знаете, как этот щенок смотрел на меня, маленький, дрожащий, а в глазах такая бездна дикого страха, отчаяния и безмерного горя. Я его мордочку, наверное, до конца дней своих помнить буду. Поднял я щенка, а он обвис у меня в руках и заскулил страшно и жалобно. Принес я его домой, кормил, ухаживал. К ветеринару носил. Он сказал, что у щенка поврежден позвоночник и вылечить его нельзя, предложил усыпить. Не дал я, опять домой принес. Жил он у меня в сарае в старой корзине. Вы знаете, калека был, а всегда по своей нужде тащил себя на передних лапах подальше от корзины. Полтора месяца жил, а потом исчез. Искал я, всех спрашивал и только некоторое время спустя узнал, что родители мои, видя, как я мучаюсь и нервничаю, отнесли его к ветеринару и усыпили. Сейчас я понимаю, что так и надо было сделать, а тогда плакал и искал, и до сих пор щенка этого люблю больше всех здоровых и веселых собак, которые были у нас после него. Родители тогда сразу же купили мне крошечного эрделя, так я к нему две недели не подходил, несмотря на то, что он мною явно интересовался, всячески со мной заигрывал и пытался утешить, облизывая мою понурую физиономию.

– Это всё, Саша, детская впечатлительность, хотя и я в свои шестьдесят с хвостиком тоже не могу спокойно слышать о различных мучительствах животных. Вот на днях прочел статью Николая Фотьева в газете о слепой, забитой людьми собаке и, верите, так расстроился, что всю ночь не спал. Алексей Николаевич резко встал, крупными шагами зашагал по комнате и продолжал: – Ходят еще по земле такие, с позволения сказать, человеки разумные. Посмотришь – человек как человек, а в птице поющей ничего, кроме куска мяса, не видит. Убивает не только для брюха, но и для продажи, а то и просто «для ради интересу»: «попаду – не попаду». Убьет и даже посмотреть не подойдет. Где уж такому втолковывать правило Редьярда Киплинга: «Убивай для пропитания, а не для забавы». Детвору звериную, которая еще толком и на

ногах держаться не может, осиротить или убить ничего не стоит. Жил я в тайге, знаю таких. А кто виноват? Я виноват. Мое поколение виновато, те, кому сейчас 60–70 лет. Наши дети – наше горе, хотя если бы только наше. Земле плохо, зверью, птице плохо, рыбе плохо, всей земной радости плохо. – Алексей Николаевич раздраженно махнул рукой, сел в кресло и некоторое время молчал.

– Мне кажется, Алексей Николаевич, что лучше всего, если бы в нашей стране охрана природы и всяческих живых ее обитателей осуществлялась не судами, штрафами, арестами, а обычаями и традициями. Если буду журналистом, я об этом буду писать и писать.

– А где ж их взять эти традиции, Саша, если мы сами частенько делаем детей свидетелями своего взрослого варварства?

– Хочу рассказать вам, как я чуть не подрался с одним парнем, – оживленно начал я... Алексей Николаевич хмуро глянул на меня. – Я ему доказывал, что все живое на Земле любить и беречь надо, а он мне ответил, что уже слышал и читал про эти «сопли-вопли», но уверен в том, что, если в мире останутся только нейлоновые елки, плюшевые медведи, зайцы и бабочки из целлофана, то мир, человечество и он лично ничего не потеряют. Тогда я ему очень тихо и очень спокойно сказал, что я думаю о его умственных способностях, и что ему лечиться надо. Вот тут-то он и в драку полез, ну я ему тоже врезал разок по потылице, как говорят на Украине.

– Вот видите, Саша, какой из вас миротворец и дипломат, журналисту рук распускать не следует.

– Извините, Алексей Николаевич, вы забыли, что начал драку не я, сначала я говорил с ним тихо и вежливо, – возмущенно воскликнул я.

– Ах, да. Простите. Разволновался, перепутал. Стар становлюсь, Саша. Скоро буду как та беспамятная страусиха...

– Почему именно, как страусиха? – спросил я.

– У датского этнографа Йенса Бьерре, много путешествовавшего по Африке, я прочел, что страусиха несет все яйца в гнездо за исключением одного, которое она оставляет снаружи, неподалеку от гнезда. Делает она так для того, чтобы смотреть на это беспризорное яйцо и не забывать, с какой целью она восседает на остальных, а то ведь по рассеянности может встать и пойти себе по разным житейским, более интересным делам... Ну, это мы отвлеклись, надо же было мне кому-то пожаловаться. – Алексей Николаевич исподлобья взглянул на меня и потер переносицу. – Так вот, Саша, обо всем, что касается природы, животных и отношения к ним человека, не могу говорить спокойно. Да потом я совсем не уверен, что на подобные темы сегодня можно говорить беспристрастно. Вы знаете, сколько готовы заплатить отдельные государства не за живой экземпляр исчезнувших птицы или зверя, а за его шкурку? Вы представить себе не можете, во сколько оценены пустое яйцо и шкурка бескрылой гагарки, начисто уничтоженной человеком. Ну, во сколько?

Я сперва молча покачал головой, а потом неудачно пошутил:

– Да уж, наверное, не дороже выеденного яйца.

Алексей Николаевич скептически усмехнулся и показал мне два пальца.

– Две сотни, – спросил я и, не получив ответа, добавил: – Две тысячи? – опять не получив ответа, недоверчиво возопил: – Ну не два же миллиона?!!

– Вот именно! Два миллиона за шкурку гагарки и ни рублем меньше. Бесконечно прав американский ученый Парсон, сказавший, что в настоящее время одна птица в кустах стоит двух в руках. – Алексей Николаевич сокрушенно покачал головой. Но потом посмотрел на меня и улыбнулся. – Хватит о грустном. Расскажите-ка, Саша, о себе поподробнее, не с наскака, кем быть намерены, к чему руки, голову и, главное, сердце и душу приложить собираетесь?

– Я студент журфака Московского университета, курс третий. Специализацию уже выбрал: этнография с элементами природоведения. Писать собираюсь о взаимоотношениях

человека и природы в историческом аспекте с давних лет и до наших дней. Чтоб динамика была, понимаете?

– Как не понять? Замах грандиозный. Впрочем, молодость всегда была в обнимку с максимализмом, а вот хватит ли жизни? Но расхолаживать вас я не собираюсь, как говорится, с Богом. Меня тоже эти вопросы интересовали, но, пожалуй, в более узком аспекте, то есть я собираю разные материалы для Крыма с учетом того многообразия племен и народов, которые прошли в свое время через него, а их было немало. Сведения такого плана, Саша, в литературе довольно редки. Надо буквально выуживать их помалу из самых различных источников. В основном читайте географическую литературу, историческую и, само собой, книги и журналы этнографического плана. Как-нибудь я покажу вам свой улов, но не сказать, что он очень богат. – Алексей Николаевич помолчал, но потом живо спросил меня: – Вы Василия Пескова знаете, корреспондента газеты «Комсомольская правда»?

– Конечно, всегда с удовольствием читаю его материалы.

– Хотите быть таким, как он?

– Пожалуй, только со своим стилем работы, подходом к делу и манерой изложения материала.

Алексей Николаевич внимательно слушал и смотрел на меня как-то по-новому, будто только что увидел меня. К нему подошел Агапыч, вспрыгнул на колени, потоптался, лег, свернул калачиком передние лапы, положил на них голову и устремил на меня бесстрастный немигающий взгляд.

– Снизошел, негодник. Ты что-то песенок мне своих давно не пел. Наверное, на хвостатых дам весь свой репертуар и бархатный бас извел? – сказал Алексей Николаевич и слегка подергал кота за уши.

Кот молчал.

– Врешь, я заставлю тебя, как говорил один мой знакомый, «рояль двигать». – Алексей Николаевич пощекотал коту подбородок.

Агапыч зажмурился, вытянул шею и вдруг заурчал густым вибрирующим баском свою извечную кошачью песенку.

– Ну вот и соответствующий аккомпанемент к нашей беседе. Так о чем мы, мой друг?

– Темы неисчерпаемы, Алексей Николаевич, только, если уж очень утомлю вас, остановите меня. У нас ведь впереди времени много.

– Ну, не так уж много. Вот о чем я, Саша, все чаще и чаще думаю: литература о природе и ее защите пишется и читается взрослой частью человечества. А как же дети, подростки, юношество, одним словом, все те, кому мы должны передать Землю в полнейшей исправности и порядке? Как с ними?

– Для них, Алексей Николаевич, нужно писать, пожалуй, прежде всего и лучше всего. Природоведение, ботанику, зоологию, охрану природы я бы запретил преподавать людям ограниченным, мрачным и равнодушным. Учебники по этим предметам надо выпускать живые, интересные, красочные, и, главное, как можно раньше надо начинать воспитывать у детей любовь к природе и наблюдательность. В ГДР, Югославии, Франции, Англии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии изучение природы начинается с первого класса, а в начальных школах Франции есть специальный учебный предмет «Упражнение в наблюдательности» – разве нам бы он помешал? А то иные из преподавателей-естественников боятся отступить от программы, боятся потратить 5-10 минут на то, чтобы рассказать какой-либо занимательный факт из жизни четвероногих и пернатых, познакомить ребят с их поведением. Ведь именно с этого можно начинать воспитание у человека интереса, любви к природе, а не с числа косточек и суставов у зайца или количества нервных узлов у препарированной лягушки.

– Это точно! Я как-то рассказал здешним поселковым мальчишкам о том, как калан таскает под мышкой камень-наковальню и потом разбивает об него раковины моллюсков и кормит

своих детей. То-то восторгу было! Рассказал два года назад, а помнят до сих пор. Не исключено, что пробудил интерес и обрел ребячью любовь, а потратил на это максимум минут пятнадцать. Теперь как завидят меня, так берут в «окружение», еще им рассказывай.

– Наверное, не только поэтому они за вами бегают, Алексей Николаевич. Есть в вас, понимаете, что-то такое притягательное, что позволяет рассчитывать на доступность, понимание и отзывчивость. Какая-то мягкость, доброта, что ли... Вот они и бегают. Но это, конечно, не опровергает вашу мысль о том, что детей надо уметь заинтересовать, а потому расскажите еще разок мне, великовозрастному дитяти, о каланах. Зачем они таскают камень под мышкой?

– Всё очень просто. Этот морской дальневосточный зверь выберет на берегу голыш поувесистей, килограмма на 2–3, сунет под мышку и ныряет вместе с ним за моллюсками. Насобирав их, складывает в свои «карманы» – своеобразные складки на груди, потом выныривает, ложится на воду вверх брюхом и начинает колотить раковинной о камень, как молотом по наковальне. Разбивает и лапкой, как ложкой, выгребает содержимое себе в рот. Если камень не нужен, калан сует его опять под мышку до лучших времен и плавает вместе с ним. В неволе, говорят, он этим камнем пользуется для того, чтобы при удобном случае сбить запор со своей клетки. Представляете? Выглядит он в это время очень интересным и осмысленным созданием. А еще калан очень забавно вытирает свой меховой сюртучок пучками морской капусты, смотреть на него в это время – сплошное удовольствие.

– Вот ведь пижон, – пошутил я, – небось, перед каланихами красуется?

– Нет. Щегольство тут ни при чем, – серьезно возразил Алексей Николаевич. – Зверь не имеет толстого подкожного жира, поэтому единственная защита от холода – меховой покров. Вот и приходится калану постоянно его сушить, взбивать и расчесывать своим собственным «гребешком» на ногах. Не очень давно на Командорах погибло большое стадо каланов. Ценнейшие звери попали в воду, покрытую огромным нефтяным пятном, загрязнили мех, простудились и перемерли. Спят каланы в зарослях морской капусты, чаще всего на спине, сложив на груди коротенькие лапы. В таких местах тихо, сравнительно мелко, нет сильного волнения, и не подберется смертельный враг их – косатка. Частенько, чтобы не снесло во время сна, каланы обматывают себя длинными листьями морской капусты.

– Одним словом, шваргуются или, вернее, на якорь становятся. А к человеку как относятся?

– Советский зоолог Сергей Владимирович Мараков, проживший на Командорах около десяти лет, писал о калане, что он незлобив, доброжелателен к человеку так же, как и дельфин. Не сопротивляется и не кусается даже в том случае, если окажется пойманным. В первые же часы неволи зверь, если он голоден, без всяких церемоний берет из рук человека рыбу. Мать-каланиха, если забрать у нее детеныша, следует за человеком и тревожно пищит, просит отдать, и все это – без всяких агрессивных выпадов. Иное писал о каланах русский путешественник Коцебу. В начале XIX века он побывал на Камчатке, наблюдал охоту местных жителей на «морского бобра» (калана), писал, что самец и самка яростно защищают своих каланят, вырывают из их тела стрелы зубами и даже бросаются на преследующих их людей, пуская в ход зубы.

– Реакция вполне законная. Вот такой калан, умеющий постоять за себя, мне гораздо больше нравится. А каланята какие?

– Малыши у них презабавные и очень послушные, – улыбнулся Алексей Николаевич. – В том случае, если нужно за кормом нырнуть, осторожная и подозрительная мать берет детеныша в зубы и погружается вместе с ним, а беспечная мамаша бросает каланенка на поверхности, и он смиренно лежит в воде брюшком вверх, качается на волнах, как в колыбели, и терпеливо ждет родительницу. Иногда мать и малыш качаются на воде рядышком, и оба на спинах, сложив передние лапки на животе, и выглядят они в это время очень трогательно.

– Неужели человеческие детеныши самые непослушные и капризные, Алексей Николаевич?

– Что касается послушания, то медвежонок так же капризен и непослушен, как некоторые человеческие ребятишки, и влетает мишутке за все выкрутасы и шалости очень и очень часто. А уж если раздраженная мамаша приложится своей родительской карающей дланью, то бедное дитяtko в редких случаях на ногах сможет удержаться, катится кубарем и орет благим матом, а потом долго ворчит и обиженно всхлипывает. Слонята тоже довольно строптивые «детки». Датский писатель Йорген Бич, путешествовавший по Центральной Африке, писал о том, что родителям стоит больших усилий уговорить разошедшихся слонят, а уж если слоненок купается, то выманить его на берег совсем непросто. Малыш сердито трубит, гневно топчет уши, стараясь напугать родителей, но поди справься, когда на тебя с двух сторон нападают многотонные туши папы и мамы, которым в самый неподходящий момент почему-то надоело купаться. А вот у горилл для того, чтобы уговорить распоясавшийся молодняк, достаточно одного взгляда вожака. Интересно, что поведение сосунков-гориллят очень похоже на поведение человеческих младенцев. Американский зоолог Шаллер писал о том, что грудные гориллы улыбаются, если над ними склоняется мать, и ревно тычут пальцами в глаза родительнице, что, как известно, очень характерно и для человеческих младенцев. Когда горилленок хочет, чтобы его взяли на руки, он так же, как и ребенок в этом случае, встает на цыпочки, тянется и поднимает руки над головой.

– А ведь интересно-то как, а, Алексей Николаевич!

– Беда в том, Саша, что наши дети еще с пеленок знают, что корова и коза могут боднуть, лошадь – лягнуть, что кошка и собака – заразные «бьяки», в то время как именно ребятня должна начинать с покровительственного, бережного отношения и к растениям, и к животным. Мы, взрослые, подчас своим не совсем, мягко выражаясь, непродуманным поведением грубо топчем самые первые и самые хрупкие ростки, проклевывающиеся благодатным частоколом в ребячьих душах. Вот недавно в Старом Крыму знакомый директор школы дал прочесть мне статью писателя Олега Волкова о возмутительнейшем случае. Представьте себе, Саша, такую картину: в одном из подмосковных детских домов воспитанники, вняв увещаниям своих педагогов стать охранителями и друзьями природы, начали ревниво оберегать дикую водоплавающую птицу в заказнике, в маленьком лесном озере. Благодарные пернатые прижились, размножились и, зная, что вреда им не сделают, полностью доверили людям себя и своих малышек в гнездах. Но вот группа взрослых людей, «выбив» где-то разрешение на охоту на территории заказника, вооружившись ружьями, кинулась к озеру и стала, чуть ли не в упор, расстреливать недоумевающих птиц. Они беспомощно крутились над гнездами и гибли, как говорится, пачками. Вот так! Попробуйте-ка теперь, втолкуйте в ребячьи головы всякие принципы защиты родной природы.

Алексей Николаевич разволновался, резким движением поправил дужку очков на переносице и продолжил:

– В бесконечной цепи поколений надо менять непригодные звенья на новые. Более подходящего времени для этого может не представиться. Не представиться потому, что не исключено, что вскоре жалеть и щадить и нечего, и некого будет. Жестокость и детская преступность в мире растут с ужасающей быстротой. Об этом почти ежедневно сообщают газеты, с утра до вечера вещают и радио, и телевидение. – Алексей Николаевич встал и сжал виски ладонями. – Подустал я что-то... Вы, Саша, приходите ко мне всегда, как только вам захочется. Мне здесь не часто удается найти такого собеседника и слушателя, как вы. С возрастом почти у всех людей появляется желание поучать, и им обычно льстит внимание окружающих. Видите, я еще не потерял способности подсмеиваться над собой. Следовательно, для меня еще не все потеряно, – с легкой усмешкой закончил Алексей Николаевич.

Я смотрел на него и чувствовал, что говорил он сегодня со мной о самом больном и сокровенном, и мне казалось, что этим больным и ничем не защищенным местом он много и часто бился об острые углы. И еще я вспомнил чьи-то строчки о том, что «когда нам по-

настоящему плохо, мы хорошие пишем стихи». Говорим, оказывается, тоже хорошо. И еще я подумал о том, что в первый раз в жизни мне повезло на встречу с интересным человеком.

Протягивая мне руку, Алексей Николаевич сказал:

– Если вы когда-нибудь придете и не застанете меня, можете подождать в доме. Ключ всегда под кирпичом слева от двери. Открывайте, читайте книги, ждите. Надолго я обычно редко отлучаюсь, и только в тех случаях, если иду в лес, в горы или в море, а туда мы теперь будем вместе ходить. Завтра жду вас к шести утра. Прихватите бутылку с водой, ну и парочку бутербродов на тот случай, если с ухой не получится. Вроде всё, Саша, до завтра.

Лихой моряк Агапыч

*Лодочки и собиратели моллюсков встали
чуть свет и поджидают меня,
Я заправил штаны в голенища, пошел вместе с ними,
и мы провели время отлично;
Побывали бы вы с нами у котла, где варилась уха.*

Уолт Уитмен

Баба Бер разбудила меня еще затемно. Мне очень не хотелось вставать, я никак не мог проснуться, намертво вцеплялся в одеяло и совал голову под подушку, показывая, что явно ник чему столь рано тревожить приехавшего на отдых молодого человека. Баба Бер что-то терпеливо бубнила, уговаривала меня, но после того как до моего полусонного сознания дошли слова о том, что «Алексей Николаевич, поди, ждет, а он, вишь, тут разлегся и не колышет ни ручкой, ни ножкой», я все вспомнил, разом вскочил, чмокнул Бабу Бер в седое темечко, оделся и, схватив спиннинг, бутылку с водой и бутерброды, выбежал на улицу.

Рассвет только-только намечался светлой полосой над горизонтом. Рыхлая пелена тумана быстро надвигалась на поселок и уплотнялась в оврагах. Со стороны моря слышались гортанные крики чаек и кашляющий, задыхающийся звук лодочного мотора. Кто-то уже вышел; я заторопился, мигом скатился вниз и прибежал на причал взмокший и запыхавшийся. Алексей Николаевич был уже там. Он посмотрел на мою потную, виноватую физиономию и сказал:

– Все понятно. Молодость поспать любит. Ну ничего, вы пришли как раз вовремя. В шкиперской, сразу же у входа, за дверью, возьмите весла. Минут через пять выйдем.

Я разыскал весла, вскинул их на плечо и, насвистывая, спустился к берегу. Подойдя к лодке, я остолбенел от изумления. Полагая, что у меня галлюцинация, протер глаза и еще раз взглянул. Сомнений быть не могло. На корме, злорадно поглядывая на меня, восседал Агапыч.

– Да-да, он всегда ходит со мной в море, – сказал за моей спиной Алексей Николаевич, – тут уж ничего не поделаешь, сам его приучил. Раньше они с Греем меня провожали и встречали здесь, на берегу, и не успевал я причалить, как Агапыч прыгал прямо в лодку и получал свою долю рыбьей мелочи. Ну, а потом как-то раз Агапыч со мной увязался. Грей на берегу скулил и метался, звал Агапыча на берег, а он со мной ушел, рыбы до отвала наелся, и вот с тех пор, стоит мне за спиннинг взяться, он тут как тут. Лихой моряк, качки не боится, и вся грудь в тельняшке, – одобрительно сказал Алексей Николаевич, кивнув на полосатые разводы на шкурке Агапыча. – Ишь, сидит соглядатай хвостатый, боится, верно, как бы я от него часть улова не утаил.

Алексей Николаевич кивком головы показал на лодку.

– Лезьте, Саша, я столкну.

– Нет уж, Алексей Николаевич, лезьте вы, я столкну.

– Ну, будь по-вашему.

Сняв сандалии, я бросил их в лодку, неизвестно для чего поплевал на ладони и, упершись ногами, изо всех сил налег на нос лодки. Она медленно подалась и вдруг совершенно свободно качнулась на воде. Толкнув лодку еще разок, я, как мне казалось, лихо и мощно перевалился через борт, но не удержался на руках и всей тяжестью обрушился на невестку откуда подвернувшегося Агапыча. Кот взвыл истошным голосом. Две чайки, низко парившие над лодкой, испуганно прынули вверх. Алексей Николаевич, молча и сосредоточенно наблюдавший эту сцену, вдруг рассмеялся так звонко и заразительно, что я, взглянув на него, тоже расхохотался.

Агапыч вспрыгнул на корму и смотрел на меня оттуда брезгливо и презрительно. Потом перевел взгляд на хозяина: «Ну что, не говорил я тебе? Взяли недотепу на свою голову. А всё ты-ы-ы!»

Наконец мы успокоились, я сел на весла и резкими рывками погнал лодку в море. Алексей Николаевич лезвием перочинного ножа раскрывал створки мидий, чтобы в нужную минуту наживка была под рукой.

– Донок, Саша, мы вчера за разговорами так и не навязали. Ну ничего, я стареньких прихватил и самодуров парочку взял на всякий случай. Порвем – новые наготовим. Если устанете, скажите, я сменю вас на веслах.

– Я ведь только что сел. Не беспокойтесь. Мне на веслах даже больше нравится, чем с мотором.

– У мотора, как и у весел, свои плюсы и минусы. Когда ставрида идет, на моторной лодке хорошо косяки искать, и на случай шторма легче к берегу добраться. Если разбогатею когда-нибудь, – куплю для «Ники» небольшой моторчик. Сейчас пока не могу. Правее возьмите – тут неподалеку скала под водой, я однажды шаркнул по ней днищем. Вот так, а теперь чуть мористее мимо той скалы держите. Если там не повезет, ходим в бухту Барахту. Говорят, что ее так Маяковский назвал, когда в Крыму был. Слышали?

– Слышал, – ответил я без всякого энтузиазма. – Не люблю я его.

– Ну и не любите, кто вас заставляет, но поэт он, безусловно, талантливый, и писать в свое время должен был именно так, как писал... Сейчас бережнее. Стоп. Разворачивайте бортом под волну, чтобы не так ветром сносило. Отлично. Часть наживки возьмите к себе на нос, чтобы не тянуться через всю лодку. Агапыч, марш на среднюю банку. Ишь заволновался, изготавился, полосатый. Подожди – может быть, несолоно хлебавши уйдем. Держите, Саша, поводок. Вы на донку пробуйте, а я поверху пошарю.

Наживив крючки, я закинул леску и сосредоточенно уставился на воду, ожидая поклевки. Агапыч в предвкушении приятных вкусовых ощущений сел ко мне спиной и с надеждой взглянул на Алексея Николаевича. Меня, как рыбака, он явно игнорировал, делал вид, что в природе меня вообще не существует и ждать от меня совершенно нечего, а вот его хозяин сию минутку достанет для него, Агапыча, из этой противной мокрой воды вкусную жирную рыбку. «Ладно, Агапыч, – обиделся я, – мы еще посмотрим, кому первому повезет, напрочишься еще у меня, самонадеянное четвероногое...»

Додумать до конца свою язвительную фразу я не успел. Алексей Николаевич резко подсек и, накручивая ручку катушки, стал не спеша выбирать леску. Я сразу забыл об Агапыче и стал наблюдать. Наконец, из воды показалась широко разинутая пасть и колючая уродливая голова ерша-скорпены. На последнем крючке, как крошечный серебристый листок на ветру, беспомощно трепыхалась ставридка.

Алексей Николаевич осторожно отцепил скорпену, положил в сачок и перебросил его за борт в воду. Агапыч, равнодушно следивший до этого за манипуляциями с ершом, высоко подпрыгнул и постарался цапнуть ставриду лапой. Алексей Николаевич погрозил ему пальцем, бережно снял рыбешку с крючка, осмотрел ее и, буркнув «пусть она растет большой и будет умницей», бросил в море. Агапыч укоризненно посмотрел на хозяина и, встав на задние лапы, выглянул за борт. Ставридки и след простыл.

– Что же вы Агапычу не отдали?

– Придет и его черед. Я мелочь отпускаю. Агапычу скармливаю морских собачек, пикшу и ту рыбешку, у которой глотка или брюшко повреждены. А вы заметили, на скорпену он и не претендовал. И дома тоже не подойдет до тех пор, пока не «уснет» ерш. Он еще котенком стянул однажды у меня из ведра полуживого ерша, а тот уколол его в нос, морда тогда у него распухла, и глаза закрылись, потом прошло все. Вот с тех пор и остерегается.

Удилище у меня дрогнуло, я дернул его вверх и быстро завертел катушку, боясь упустить рыбу.

– Легче, Саша, не так быстро, сорвется, – пытался предостеречь меня Алексей Николаевич.

Я ничего не слышал и продолжал стремительно выбирать леску. Но вот кончик удилица прыгнул вверх, грузило, всхлипнув, выскочило из воды, и крупная зеленуха, насмешливо виляя хвостом, ушла в глубину. Я сидел несчастный и обескураженный.

– Ничего, Саша, зеленуха тиной пахнет, ее даже Агапыч не ест. Не огорчайтесь, но в следующий раз не торопитесь, – сказал Алексей Николаевич.

– Я знаю, что зеленуха тиной пахнет, я знаю, что ее едят только от плохой жизни и только не уважающие себя коты, но ведь дело не в этом. Если бы это была не зеленуха, а окунь или сарган, я бы и их упустил. Прав Агапыч, верблюд я, а не рыбак.

– А вы хотите сразу? Ведь вы здесь года два не были, верно? Ну вот, значит, отвыкли. Разрешите напомнить вам банальнейшую истину, согласно которой рыбак – это, прежде всего, терпение. Дарья Феофилактовна говорила, что вы мальчишкой неплохо рыбу ловили. Дайте себе время приноровиться, в рыбацком деле, как и в служении музам, суета – только помеха. Главное, не торопитесь, – закончил Алексей Николаевич, вытаскивая сразу две ставриды, морскую собачку и одну пикшу – родственницу трески.

Ставриду он положил в сачок и стал снимать с крючка скользкую, с двумя черными пятнышками по бокам, пикшу, а затем и собачку. Агапыч, проводивший тоскливым взглядом ставриду, потерял терпение и заорал густым басом: «Мр-м-н-е-у-у, м-н-е-у-у!»

– Тебе, тебе, Агапыч, держи. Однако, кажется, пошла ставрида. Давайте-ка на самодур попробуйте. Донку сматывайте на спичечную коробку, а то запутается.

Алексей Николаевич обратил мое внимание на морскую собачку:

– Посмотрите, какое морфологическое совершенство, какое изящество и какое соответствие между названием этой рыбешки и чисто собачьим ее поведением во время охраны самцами отложенной самочкой икры. Ох уж эти рыбы имена! Результат человеческой фантазии и наблюдательности. О них хоть роман с продолжением пиши: рыба-дьявол, рыба-труба, ворчун, обманщик, клоун, свистулька, бычий глаз, корова. Есть еще целая серия «инструментальных» и «военно-должностных» названий: рыба-пила, рыба-гитара, молот, нож, топорик, игла, сабля, меч, мичман, капитан, лоцман, сержант, майор, солдат и много еще всяких причудливых названий, и каждое из них оправдано образом жизни, повадками, внешним видом... Мичмана, например, потому мичманом называют, что у него на брюшке есть симметрично расположенные светящиеся точки, похожие на блестящие пуговицы морского мундира. Да и вообще, возьмите все народные названия животных и растений. Что за прелесть! Средоточие меткости, наблюдательности, образности. Вот в финской «Калевале» написано, что медведь вовсе и не медведь, а «красота с медовой лапой». Разве не хорошо? Якуты очень метко назвали березу «серебряным деревом». Ряска для русских была «лягушачьей дерюжкой», а бурундука сибиряки окрестили «медвежьей совестью».

– Почему именно медвежьей? – удивился я и бросил пойманную собачку Агапычу.

– Бурундучишка – хозяин старательный, запасливый, перед тем как в спячку залечь, сотни километров набегают в поисках пропитания. Набьет защечные мешки, раздует у него мордашку, как от флюса, и в норку запасы складывает. А в «доме» у него порядок идеальный. Семена, сушеные ягоды, зерно, корни съедобные – все кучками лежат и друг от друга листьями-перегородками отделены, как на кухонной полке у хорошей хозяйки. Ну, а весной, в трудное для пропитания время, медведь частенько грабит бурундука, вот и кричит жалостно хозяин, к совести медвежьей взывает. Да где там – все разбойник выгребет, ничего не оставит, обрекая тем самым на голодную смерть запасливого зверька. Нет, как хотите, – продолжал Алексей Николаевич, передавая мне поводок самодура, – не понимаю я людей, которым не интересно все, что касается живых существ. Очень хорошо, что вы в будущем намерены писать о природе и о людях, связанных с нею. Только учтите, вы никогда не сможете свободно владеть своим материалом, если не будете в какой-то степени биологом, точно так же, как журналист,

пишущий об искусстве, непременно должен знать его историю и законы, в противном случае он не сможет грамотно писать ни о творчестве, ни о людях искусства.

– Ну, а если говорить конкретно обо мне?

– Ну, а если говорить о вас, Саша, то представьте себе такую картину: года через три после окончания университета вы приезжаете к морю и идете интервьюировать рыбаков. Народ это крепкий, умный, насмешливый. Они смотрят на вас, молодого журналиста-горожанина, переглядываются и на ваш вопрос «Как обстоят дела с рыбой?» с серьезным видом рассказывают, что сегодня поутру в море по неизвестным причинам «сержант» укусил «корову» аккуратно за заднее место, а «мичман» чуть не отмотал себе плавники, когда драил «тряпочкой» «саблю» для «капитана». Вы можете не понять шутки, так как не будете знать, что вышеупомянутые в потешном рассказике существительные не что иное, как названия рыб. Не поняв, обидитесь, сочтете себя оскорбленным, вспылите, уйдете и уйдете, конечно, ни с чем, без материала.

– Алексей Николаевич! – заорал я. – Есть!

– Что есть?

– Ташу родимую!

– Тяните, тяните, только не спешите, судя по всему, это скумбрия водит, не давайте ей туго натягивать леску, пусть пошныряет по сторонам. Приспустите леску чуть-чуть, потом подтяните слегка, вот так, еще, и еще разок... и еще, ну вот, а теперь вытаскивайте, только плавно, без рывка.

Бросив в лодку спиннинг, я крепко прижал к груди полосатую, с синим отливом рыбину. Агапыч вспрыгнул ко мне на колени и цапал когтями отчаянно бившийся рыбий хвост. Я столкнул его и бережно положил скумбрию в подставленный Алексеем Николаевичем сачок. Потом опустил его за борт, поднял и еще раз полюбовался на свой животрепещущий прекрасный трофей.

– Вот, Саша, считайте, что вы, как говорят рыбаки, «обрыбились». Половина ухи у нас уже есть. С места уходить не будем, здесь хоть и редко, но берет. Сейчас Агапыча надо угостить, а то он у нас совсем заскучал и, небось, думает: «Зря я с вами, жадюгами, в океан-море потащился». Вы на ставридку забрасывайте, а я на дне донкой пошарю, пикшей для кота разживусь.

Дело у нас пошло веселей. Лодку дрейфом нанесло на рыбий косячок, и за полчаса вытащил 15 ставрид. Алексей Николаевич поймал несколько собачек и крупных пикш, до отвала накормил Агапыча и тоже переключился на ставриду. Вскоре Алексей Николаевич сказал: «достаточно», поднял из воды сачок с рыбой и сел на весла. Миновав торчащую из моря каменную арку, лодка вошла в маленькую бухту. В ней было тихо, пустынно и мрачновато, несмотря на то, что яркий солнечный свет высвечивал самые темные и укромные уголки. Алексей Николаевич сильно разогнал лодку, и она с размаха глубоко врезалась в мелкую разноцветную гальку. Вытаскивать лодку не стали, просто подпернули ее повыше, так, чтобы в воде осталась одна корма. Агапыч, нетерпеливо топтавшийся на носу, сразу же спрыгнул на берег и, протрусив в сторону, стал усердно трудиться, выкапывая себе ямку для сугубо индивидуального пользования.

– Ого-го-го-го-го-о-о-о!! – закричал я изо всех сил, сделав ладони рупором. По бухте испуганно заметалось гулкое, с таинственным призывком эхо. Я прислушался и закричал еще раз, громче и раскатистее.

– Не кричите здесь, Саша, пожалуйста. Разве можно кричать в лесу, в горах, на берегах рек и моря. На природе тишину беречь надо, – сказал Алексей Николаевич и с загадочным видом закончил: – Если не послушаетесь, женщина-дух Па-ку-не разгневется и покинет нас, не оставив в целом мире ни кусочка тишины.

– Не буду, Алексей Николаевич. Это я так, сам не знаю зачем, от полноты чувств, наверное, – виновато сказал я и спросил: – А кто она, эта Па-ку-не?

– Па-ку-не – женщина-дух, которую жители Колумбии называют «Говорящая без голоса». Живет она в лесу, охраняет на Земле тишину и сердится на тех, кто ее нарушает в самых неподходящих для этого местах.

– Бедная Па-ку-не, – серьезно сказал я, – скоро в мире не останется тишины, и «Говорящая без голоса» погибнет, оглушенная воем моторов, скрежетом техники и воплями транзисторов.

– А жаль, очень жаль, потому что я целиком присоединяюсь к поэту Борису Пастернаку, который очень хорошо сказал: «Тишина, ты – лучшее из всего, что слышал». Недаром в Западной Европе в 1958 году проводилась кампания по созданию особых заповедников – «оазисов тишины». Есть такие заповедники во Франции, около Гренобля. Хлопочут об этом и австрийские врачи. На определенных территориях строго запрещается всякое строительство, запрещается появляться на мотоциклах, телегах, машинах, включать транзисторы и петь. Одним словом, это зоны абсолютного покоя и нерушимой тишины, необходимость в которых все больше и больше ощущают и звери, и современный человек.

– Это правда, что от гула низко летящих реактивных самолетов в гнездах диких птиц лопаются яйца? – спросил я.

– Правда, Саша.

– А насчет оазисов тишины: надолго ли они сохранятся? Государственный транспорт растет как на дрожжах, население тоже растет, вскоре машина будет почти у каждого. А самолеты, ракеты? Промышленность тоже не из молчаливых, так что – где уж тут, – махнул я рукой.

– Думать надо. Во многих странах над этим вопросом работают недавно созданные Лиги по борьбе с шумом. Им и карты в руки, – хмуро сказал Алексей Николаевич и пошел к лодке.

Продукты и бутыль с водой он перенес на берег и засунул их, чтобы защитить от солнца, в тень скальной расщелины; кеды свои прополоскал в море от песка и пристроил на солнышке на подсушку; берет повесил на торчащую из гальки лапу старого ржавого якоря и вообще вел себя так, будто был он здесь не впервые, знает, куда и что положить, что и как нужно сделать, чтобы человеку в этой уединенной бухте было уютно и удобно.

– Раздевайтесь, Саша. Кажите крымскому солнышку свои обесцвеченные московские телеса, – говорил Алексей Николаевич, стаскивая с себя рубашку и брюки. Оставшись в выгоревших на солнце плавках, Алексей Николаевич принес из лодки сачок, отделил скумбрию и с десяток крупных ставрид, сказал, что это для Бабы Бер, смочил тряпку морской водой, сложил в нее рыбу и пристроил сверток в тень, туда, где лежали наши продукты.

– Саша, в лодке под кормовым настилом – котелок, лук и картошка, несите их сюда, начнем хозяйничать. Сначала рыбу и картошку надо почистить. Уж не забыл ли я перец и лавровый лист? Посмотрите в правом кармане рюкзака. Есть? Ну, значит, будет всамделишная уха. Вы картошку или рыбу будете чистить?

– Картошку. Мама говорит, что я талантливо чищу картошку.

В это время истошно заорал Агапыч. Я поднял голову и увидел его на скале, на крошечном, величиной с книгу, уступчике. Вокруг головы кота игриво порхала какая-то пестрая бабочка. Разевая ярко-розовую пасть, поглядывая в нашу сторону, Агапыч продолжал орать нудно и обидчиво. Я накинул на плечи пустой рюкзак, подошел к скале, стал к ней вплотную и нагнул голову. Кот прыгнул и, перебирая лапами, цепляясь когтями за мои нарядные японские плавки, соскочил на землю.

– Ну и хулиган ты, Агапыч, нахал и наглец, – отругал его Алексей Николаевич.

Удобно устроившись на камне, он поставил возле себя котелок и начал чистить рыбу. Некоторое время мы молча занимались каждый своим делом.

– Саша, зачерпните котелком кусочек моря. Картошку и рыбу будем мыть морской водой. Пресную побережем. Тут раньше родничок симпатичный маленький жил – да умер, бедолага. Люди разорили, засыпали, иссушили, деревья вокруг него на костры вырубали. И ведь это

не только здесь. Родники по Крыму сохнут повсеместно. Года два назад под хребтом Сюрю-Кая был приличный родник, а сейчас чуть заметная струйка сочится, да еще с перерывами. Говорят, «как потопаешь, так и полопаешь». Вот и мы «топали», да видно не в ту сторону, хозяйничали «не в ту степь». В результате и пожинаем теперь плоды своих безобразий или неумного усердия, и ведется это с давних пор. Возьмите лес: буки, тисы и древовидный можжевельник крымские помещики бессчетно за границу вывозили. Выпасаемые на крымских пастбищах отары овец уничтожали растения, разбивали поверхностный слой почвы. А до этого вся яйла, пастбище горное, от Фороса до Судака была покрыта высокими по пояс травами, яркими цветами, а сейчас там камни да полузасохшие пучки полыни и ковыля. В конце войны гитлеровцы вырубili заповедные сосновые и буковые леса вокруг Ялты, Гурзуфа и не какую-либо малость обнажили, а несколько тысяч гектаров. Вместе с лесом уничтожили стада зубров, оленей, косуль, муфлонов. После войны в результате неупорядоченных, никем не контролируемых рубок пострадали предгорные и южнобережные леса. Здесь вот от леса считанные куртины остались. Я их все облазил – и то и дело одного-двух деревьев не досчитаюсь. Каждый год здесь проходят тысячные полчища туристов, и все костры жгут. Нацело вырублен карагач, под туристскими топорами гибнут остатки терпентинного дерева, древовидного можжевельника, ягодного тиса.

– Говорят, что прошлым летом туристы оставили непотушенный костер и сожгли большой участок дубняка. Было такое?

– Сам бегал тушить, а виновников задержать не смог, полномочий не хватило. Тот участок, где Коктебель стоит, лет сто тому назад тоже был покрыт худо-бедно леском. В горах повсюду били родники с чистой холодной водой. Беда, – покачал головой Алексей Николаевич, – некому лес охранять. Есть в Крыму хозлесзаг, который должен беречь и восстанавливать лесной покров. Да, видно, штат мал, не доходят до всего руки. Сажают, правда, они много, пахнут правильно – поперек склонов, но дело в том, что ухаживают за саженцами либо плохо, либо вовсе не ухаживают. Опять, надо полагать, дело в недостатке рабочих рук. Если так, то зачем много сажать, деньги зря вколачивать? Посади столько, сколько под силу сберечь, не гоняясь за выполнением планов. Да и планы тоже с умом составлять надо. А тут еще винсовхоз повадился сюда отары свои гонять, а уж овцы знают, как древесный самосев со свету сжить и оврагов понаделать, опыт богатый.

– А хотите знать, что думают французские поэты об истреблении лесов? – спросил я.

– Любопытно! Слушаю.

– Вот что:

Все меньше и меньше остается лесов.
Их истребляют,
Их убивают,
Их сортируют,
И в дело пускают.
Их превращают
В бумажную массу.
Из которой получают миллиарды газетных листов,
Настойчиво обращающих внимание публики
На крайнюю опасность истребления лесов.

Я закончил читать и выжидательно уставился на Алексея Николаевича.

– Вот за это спасибо! А какая великолепная концовка! А, Саша?

– И мне стихотворение очень понравилось, и вы, наверное, не поверите, запомнилось сразу же, как прочел.

– Ну почему же? Это бывает, особенно в молодости, – мечтательно произнес Алексей Николаевич, помолчал и тут же заговорил опять: – Сейчас работники Крымского заповедно-охотничьего хозяйства разрабатывают мероприятия по облесению яйлы. Здесь бы, наверное, жирардова сосна прижилась. Когда-то, перед войной, кажется, должны были сажать ее по Крыму. Родом она с Гималаев, к почвам нетребовательна и засухоустойчива. Как раз то, что надо. – Алексей Николаевич поточил о камень нож и, посмотрев по сторонам, продолжал: – Места здесь, Саша, великолепнейшие... уникальные не только по составу флоры и фауны, но и по геологическому строению. Один из старожилов рассказывал мне, что раньше на берегу моря можно было найти полудрагоценные камни чуть ли не в полном ассортименте: яшму, сердолик, горный хрусталь, агаты, аметисты, халцедоны. В скалах этих, – Алексей Николаевич, бросив в котелок очередную выпотрошенную ставриду, кивнул головой вверх, – около ста различных минералов содержится. Но это уже не наш с вами интерес и не наша тема. А вот то, что в прежние годы здесь был организован заповедник – нас с вами уже вплотную касается. В 1922 году на Всероссийском курортном съезде решено было организовать здесь заповедник для сохранения уникального ландшафтного уголка республики. Если бы решение было реализовано, флора и фауна и крымские самоцветы уцелели бы, но, к сожалению, оно, как многое у нас, повисло в воздухе. Все приезжают и восхищаются: «ах море, ах горы, ах солнце, ах воздух, ах волшебное карадагское королевство», а о том, что это заброшенное, безбашенное королевство, знает только тот, кто из года в год живет в нем и воочию наблюдает его постепенное опустошение и упадок.

– Картошку почистил, Алексей Николаевич. Кстати, о Коктебеле: что с пляжем сделалось? Тут же был отличный мелкогалечный и даже местами песчаный пляж.

– У строителей надо спросить. Они сгребли с разрешения местных властей пляжную гальку и замесили ее в бетон. Сэкономили копейки, а во сколько это со временем государственному карману обойдется, не подумали. – Алексей Николаевич хмыкнул, раздраженно ткнул последнюю чищеную ставриду в котелок и, взяв его за дужку, направился к месту предполагаемого костра. Я пошел вслед за ним. Алексей Николаевич поставил котелок на землю, сел возле него и продолжал: – Сейчас наш пляж стал сползать в море потому, что неподалеку регулярно работает рефулёрная баржа, сосет со дна песок. Да и около Ялты та же история. И все несмотря на то, что запрещено заготавливать гальку и песок в курортных зонах. Некоторые ретивые деятели до сих пор считают, что на то и закон, чтобы на кривой можно было его объехать.

– Так ведь тут все ясно, – перебил я Алексея Николаевича, – законом запрещено – раз, проверять некому – два, а за экономию на строительных материалах, глядишь, премию можно получить – три.

– Не исключено. Но ведь от этого не легче. – Алексей Николаевич соскоблил прилипшую к щеке рыбку чешуйку и уже с улыбкой добавил: – Вот некоторые знакомые считают, что это у меня своеобразный «пунктик», может быть, они и правы. Слушать, читать, писать и говорить о защите природы я могу подолгу, бесконечно, до тех пор, пока меня кто-нибудь за воротник не потрясет или на ногу не наступит. Так что в случае, если я надоем вам, не стесняйтесь, воротник в вашем распоряжении, я не обижусь.

– Боюсь, понадобится кто-то третий, – усмехнулся я, – а трясти ему придется сразу двоих – и меня, и вас.

– Одним словом, судьбе было угодно свести на этом берегу парочку одержимых, – сказал Алексей Николаевич и попросил меня принести несколько крупных камней для сооружения очага.

Я выгреб ямку для кострища и обложил ее с трех сторон принесенными камнями.

– Можете представить, мой друг, какая глыба проблем ляжет на ваши неокрепшие журналистские плечи! Будете устранять разрыв между материальным и духовным и при этом не забывать учиться самому и учить всех – и дальних, и близких.

– Не собираюсь я никого учить, – запротестовал я. – Считаю, что мое дело писать и публиковать материалы, доводить их до сведения людей, а они уж пусть читают, анализируют, делают выводы и сами чему-то учатся.

– Нет, Саша, так неправильно. Вам будет многое дано и за многое спросится. И если вы этого не осознаете, вам придется переквалифицироваться в управдомы, – пошутил Алексей Николаевич. – Ведь для того чтобы понять, делать выводы, анализировать опубликованные вами материалы, нужна какая-то образованность, культура и интеллект. Так что, Саша, – в народ, с народом и для народа, и с малыми, и со взрослыми.

– Что касается взрослых, то мне хотелось бы в отдельных случаях не учить словами, а убить словами.

– Ну, это у вас юношеский максимализм взбрыкивает. Ладно, Саша, жизнь покажет, что да как, да и время расставит все по своим местам, ну а пока мы с вами впереди паровоза бежать не собираемся. Не так ли?

– Так, – согласился я и, чтобы вернуть нашу беседу в «морское русло», спросил:

– Вооруженные до зубов аквалангисты тоже, наверное, резвятся здесь сверх всякой меры?

– А как же! – оживленно воскликнул Алексей Николаевич. – Почти вдоль всего побережья выбиты крабы, а рыба и близко подходить боится, гибнут водоросли, планктон. И не удивительно. Среди огромного количества людей, среди миллионов, наводняющих Крым в летний период, – тысячи вооруженных подводными ружьями. Темпы уничтожения морских обитателей такие, что воспроизводство может за ним не угнаться, особенно в самых красивых уголках Крыма.

– Тех самых, что убывают прямо на глазах, – заметил я.

– Сейчас почти все чарующие уголки Земли так страшно расплачиваются за свое очарование, что из года в год теряют свою притягательную силу, а люди жадно ищут новые, нетронутые места, которые через несколько лет тоже станут неузнаваемыми. А почему бы не поберечь то, чем любишься, что доставляет наслаждение? Не бережем потому, вероятно, что пока находим эти самые не загрязненные уголки... Правда, каждый раз все с большим трудом... Вы знаете, Саша, очень эффективно борются с аквалангистами-браконьерами на Лазурном берегу Франции. Там следят за всякого рода нарушениями природоохранных правил не только на берегу, но и контролируют с воздуха, используя вертолеты. Эта так называемая подводновоздушная полиция есть и в Англии. Сюда бы и нам в Крым хотя бы человек десять для начала, без дела бы не сидели.

– Десяток охранников – считайте, что ничего. Побережье Крыма тянется на сотни километров, и многие уже освоены отдыхающими – и дикими, и санаторными, – безнадежно махнул я рукой.

Тут Алексей Николаевич взял меня за плечо, развернул влево и громко рассмеялся.

– Вы только взгляните туда, на этого обжору, на этого кошачьего Гаргантюа, – воскликнул он, показывая на Агапыча, который с весьма прозрачными намерениями выцарапывал припасенный для Бабы Бер сверток с рыбой, – гоните его, рецидивиста!

– Эй, – закричал я и встал.

Пойманный на месте преступления Агапыч ничтоже сумняшеся сделал вид, что ему не больно-то и хотелось, медленно, не теряя чувства собственного достоинства, направился к лодке, вспрыгнул на борт, прошел на кормовой расстил и уютно устроился там на нагретых солнцем досках.

Между тем уха поспела, перестала булькать, «плеваться» и запахла так, что есть мне захотелось зверски.

Алексей Николаевич расстелил на гальке газету, поставил на нее пару мисок, разложил ложки и тут же пристроил снесь – бутерброды от Бабы Бер. Бутерброды мы живо отправили по назначению, и Алексей Николаевич выставил на середину «стола» котелок, из которого

задорно торчали варенные хвостики ставриды, окунчиков и бычков, разложил по мискам рыбу и залил ее поблескивающей жиром ухой.

– Эх, – мечтательно сказал Алексей Николаевич, – сюда бы еще зеленой петрушечки и укропа. У меня в огороде росло, да не выросло. Дождя долго не было, а поливать тоже не всегда удается, перебои в Коктебеле с водой.

– А ведь у меня есть, – спохватился я, – Баба Бер в последнюю минуту сунула мне в карман. Если бы вы не напомнили, я бы так и забыл! Она сказала: что же это будет у вас за уха, если туда зелени не покрошить? Вот, возьмите. – Я вынул и кармана рубашки маленький сплюснутый бумажный пакетик и отдал его Алексею Николаевичу.

– Вот молодчина Дарья Феофилактовна. Мы ей за это рыбки привезем, пусть и она порадуется нашему улову. – Алексей Николаевич развернул бумажку, понюхал привядшие листья и восторженно поцокал языком. Потом нашел плоский камень, обмыл водой, накрошил на нем зелень и, посыпав сверху миски с ухой, залюбовался.

– Ну-ка, скажите, в каком столичном ресторане вы попробуете такую благодать? Ни в каком и ни за какие деньги. Начали! Ешьте и можете рассчитывать на добавку, в котелке еще есть запасец. Пробуйте.

Я проглотил полную ложку, закатил отудовольствия глаза и выставил большой палец в знак молчаливого одобрения. Быстро расправившись с ухой и рыбой, я поднял голову и с удивлением взглянул на Алексея Николаевича. Он ел медленно, со вкусом и не справился еще и с половиной. Я тоскливо поскреб ложкой дно своей миски и многозначительно перевел глаза на котелок.

– Берите, Саша, ешьте прямо из котелка, мне моей порции хватит с избытком.

– Нет. Я немного налью, мне даже неудобно. Экий я обжора, как Агапыч.

– Доедайте, доедайте, не выливать же! Знаете, тут в прошлом году аспирант-физик один отдыхал, умный, талантливый юноша. Руководителем у него был очень известный, всеми уважаемый академик. Так вот этот аспирант рассказывал, что когда в дом к академику приходила молодежь – его ученики, кто за книгой, кто за консультацией, то его жена, эдакая пышная академическая дама, приглашала их иногда к столу, приговаривая: «Ешьте, ешьте, молодые люди, мы все равно излишки своему шоферу отдаем».

Я рассмеялся, добросовестно очистил котелок и, блаженно похлопывая себя по животу, поблагодарил Алексея Николаевича.

– Не за что, – сказал он, – вместе ловили, вместе готовили, вместе и расправились. Агапыч, иди сюда, кот, посмотри, какое тебе раздолье, сколько вареных вкусных головок. Сейчас, Саша, посуду помоем, на солнышке поваляемся, а потом и выкупаться можно.

Вымыв миски и вычистив до немыслимого блеска котелок, мы улеглись на горячей гальке, сунули головы в тень, оставив на солнце обнаженные спины и ноги.

Полежав так немного, Алексей Николаевич перевернулся на спину и подставил солнцу худую грудь с двумя сизыми рваными шрамами.

– Пулевые?

– Осколочные. Одно сквозное, второе – нет, – сонным голосом ответил Алексей Николаевич и, согнув правую ногу, добавил: – А в бедро – пулевое.

– Не болят? – сочувственно поинтересовался я.

– Тут в Крыму почти не болят, а вот когда работал на Севере, очень досаждали.

– А где вы там работали?

– Ходил в море на научно-исследовательском судне. Изучал зверобойный промысел и его влияние на численность и миграцию морских животных.

Я беспокойно заерзал, поднялся на локтях, заглянул в лицо Алексею Николаевичу и попросил:

– Расскажите о себе, а? Только подробно. Особенно о войне. Можно?

– Ой, нет, – не открывая глаз, сказал он, – это же долго и нудно. – Я, Саша, для себя решил, если вернусь, о войне молчок. Я это дело перемолчу, как говорит Дарья Феофилактовна, но, если уж вы настаиваете, скажу коротко: за чужие спины не прятался, себя не жалел, сына Победе отдал. Всё!

– Вот и я бы... – начал я, но Алексей Николаевич перебил меня.

– Будем надеяться, что эта чаша минует вас. Кроме всего прочего, война – это страшно. Очень страшно.

– Бабе Бер небось рассказали, – упрекнул я.

– Не канючите, Саша, ничего я ей не рассказывал толком. Слухом, говорят, земля полнится. Люди очень не любят таинственности. Особенно, если дело касается их соседей. А уж в малонаселенном поселке постепенно о человеке становится известным все, хотите вы этого или нет, – сказал Алексей Николаевич и собрал вокруг глаз лукавые морщинки.

Я замолчал, вздохнул и стал от нечего делать разгребать перед грудью гальку, докапываясь до влажных, прохладных слоев. Копнув разок-другой, я заметил плоский, как лепешка, камушек со сквозной дыркой, положил его на ладонь и громко объявил:

– Куриного бога нашел!

Алексей Николаевич, скосив глаза, посмотрел на камень и сказал:

– Считайте, что вам крупно повезло. Тут за ними яростно охотятся отдыхающие. Найдут, шнурок сквозь отверстие проденут, на шею повесят и красуются. Некоторые крабы клешни носят на цепочках, но куриный бог – высший шик!

– Смешно, почему «бог» и именно «куриный»? – фыркнул я, вслушавшись в непривычное сочетание этих двух слов.

– Не смешно, Саша, а интересно. Камень с отверстием был когда-то для человека прямо-таки счастливой находкой. Они, наши предки, верили, что дыру в камнях могла прожечь только молния, посланная могущественным богом. А раз так, то камни эти обладают магической способностью отгонять злых духов, болезни и все несчастья. Такой же «силой» обладали для жителей морских побережий панцири морских ежей с ротовым отверстием посередине. Вот потому люди и вешали камни с дыркой около своих жилищ, скотных дворов и курятников. Считалось, что под покровительством своего каменного божка куры должны обладать отменным здоровьем и сказочной яйценоскостью. Интересно, что в разных странах об этих камнях тоже бытуют разные байки. В Швейцарии эти дырчатые камни считались жерновами богов, и носить их на груди было очень почетно. Так что вполне можете подарить свою находку курам Дарьи Феофилактовны, сопроводив подарок коротенькой лекцией об историческом прошлом этих камней, – улыбнулся Алексей Николаевич.

– Самому разве нельзя было пробить отверстие и навесить эти талисманы не только на курятники, но и на шею каждой курице персонально, – засмеялся я.

– Нет, камни, просверленные рукой человека, не имели никакой магической силы. – Алексей Николаевич встал, сделал козырьком ладонь, посмотрел на скатившееся за горы солнце и повернулся ко мне. – Дело к вечеру, Саша, искупаемся и домой. Грейд там ждет голодный. Он уже поправляется, через денек-другой свободно бегать будет, тогда втроем на Святую ходим. Агапыча на хозяйстве оставим. До сухопутных прогулок он не охотник. Кстати, где это «животное, которое шумит в доме», – поинтересовался Алексей Николаевич и, перехватив мой вопросительный взгляд, пояснил: – Так называют кошек жители острова Таити за их мурлыкабельные способности.

– Животное, которое шумит в доме, – с удовольствием повторил я, – под скалой тельняшку свою нализирует. Во-о-он, видите?

– Это, Саша, определенный знак. Пора возвращаться. Он всегда к вечеру вылизывается и чистит свой «сюртук», чтобы явиться домой в полном блеске. Давайте и мы последуем примеру этого чистоплотнейшего сеньора. Как вы, наверное, знаете, древние римляне, желая выразить

презрение к человеку, говорили о нем, что он не умеет ни читать, ни плавать. А как у вас с этим?

– Плаваю я, говорят, неплохо, но без какого-либо классического стиля, элементарными саженками.

– А вот я плаваю неважно и в основном кручусь возле берега. Вас я прошу, не заплывайте далеко, а то вы начнете форсить и поражать мое бедное воображение, а я тут буду волноваться. На море всякое случается и, как правило, с хорошими пловцами. Поняли? – строго спросил Алексей Николаевич.

Я кивнул головой, разбежался, описал в воздухе кривую, вытянулся струной и, как лезвие ножа, рассек воду. Некоторое время я плыл под водой, потом вынырнул и помахал рукой Алексею Николаевичу. Он входил в воду медленно и степенно, поплескивая на себя водой. Минут через десять он крикнул мне:

– Домой пора, Саша. Я поплыву к лодке и соберу пока все хозяйство, а вы тоже возвращайтесь.

Когда я, вдоволь наплававшись, вышел на берег, Алексей Николаевич уже оделся и перетаскивал наши вещи в лодку. Меня он попросил залить и забросать галькой кострище. Рыбы внутренности Алексей Николаевич бросил в воду, сказав, что в море достаточно санитаров, которые с удовольствием полакомятся остатками своих собратьев. Картофельные очистки и рыбы кости он аккуратно собрал в газету и положил в лодку.

– Ну вот, теперь в бухте все как было до нашего цивилизованного нашествия. В путь. Агапыч, мы поехали. Агапыч! – еще раз и строже позвал Алексей Николаевич. Я поискал глазами кота. Агапыч, притаившись за камнем, дергая в охотничьем азарте хвостом, выслеживал скальную ящерицу. Он был занят, чихал на все призывы на свете и продолжал следить за маленьким юрким животным, которое, в свою очередь, с любопытством и риском для жизни черными бусинками глаз уставилось на невиданное в этих краях чудовище.

– Ах, так! – сказал Алексей Николаевич. – Сейчас я тебе устрою нервное потрясение. Саша, я лезу в лодку, вы ее столкнете, сядете на весла и отойдете метров на пять от берега. Не мешает проучить этого самоуверенного полосатого пижона.

Услышав шуршание гальки и всплеск весел, Агапыч резко обернулся, молнией метнулся к берегу, но, увы... его и лодку уже разделяла широкая полоса воды. Проклиная всех ящериц на свете, кот, как ужаленный, заметался на берегу, замочил лапы, сел и заорал. Судя по интонации, он начал с оскорбления: «Надо быть круглыми идиотами, чтобы не заметить, какое великолепное животное вы забыли в этой проклятой дыре». Видя, что лодка стоит на месте, Агапыч сбавил тон и горестно завопил, уверяя нас, «что он никого не хотел есть, а просто они с ящерицей играли в "кто кого переглядит", и что если бы мы были порядочными людьми и любили его, бедного Агапыча, то ничего бы с нами не случилось, если бы его немножко подождали». Мы переглянулись с Алексеем Николаевичем и решили, что заявление это не лишено некоторых резонов и что в сказанном есть намеки на логику. Агапыч, сразу же почувствовав наши колебания, решил, что он на правильном пути, и на самых низких, вибрирующих нотах заканючил, что «до него дошло», что «он все осознал, критически пересмотрел и впредь обещает перековаться, а сейчас, несмотря на плохое поведение, просит прихватить его с собой».

– То-то, в следующий раз не будешь делать вид, что если тебе кричат «Агапыч, поехали!», то это касается кого угодно, только не тебя, – сжалился Алексей Николаевич. – Ладно уж, подберите, Саша, раскаявшегося скитальца морей, а то с ним истерика приключится.

Я взялся за весла, и не успела лодка вплотную подойти к берегу, как Агапыч взметнулся в воздух, перескочил широкую полосу наката и, вцепившись когтями в борт, повис над водой. Я помог ему взобраться в лодку и передал Алексею Николаевичу. Они посмотрели друг на друга, Алексей Николаевич еще раз сказал «то-то» и в знак того, что они полностью помирились, погладил взъерошенного счастливого Агапыча.

Полюбовавшись радостной встречей, я повел лодку вдоль берега, и через некоторое время она врезалась в скопление небольших, величиной с десертную тарелочку медуз.

– По науке – это аурелия. Народных названий много, и одно из них «морские уши».

– Форма действительно напоминает круглые мясистые уши, – заметил я. Остановив лодку, я подцепил на плоскую лопасть весла одну медузу и приподнял ее над водой. Прозрачная студенистая лепешка соскользнула и звучно шлепнулась в море.

– Дело не в форме. Эти создания приближение шторма чуть ли не за неделю до его начала «слышат». Синоптикам за ними никак не угнаться было. Недавно наши инженеры «украли» «медузий патент» и соорудили соответствующий прибор. Вот вам и никчемная медуза. Ученые считают, что в скором времени изучение различных органов у животных поможет справиться с целым рядом таких человеческих недугов, как немота, отсутствие зрения, слуха. Так что и с этой позиции видовое обеднение животного мира, Саша, непозволительное расточительство и государственная бесхозяйственность, не говоря уж об этической и нравственной стороне дела. Вы думаете, что с лица Земли исчезают просто растения и животные? – спросил Алексей Николаевич и тут же сам себе ответил: – Да нет же! Исчезают источники совершенной научной информации, отшлифованной миллионами лет эволюционного процесса. Ведь многое природа «изобрела» для своих детей задолго до того, как человек додумался приспособить то же самое себе на потребу. – Алексей Николаевич помолчал, а потом предложил: – Хотите, расскажу сугубо крымскую легенду о медузах?

– И вы еще спрашиваете! – встрепенулся я.

– Так вот, купались в море два брата: старший и младший. Старшему надоело в море мокнуть и плескаться, и он поплыл к берегу. Звал с собой младшего, но тот все плыл и плыл в открытое море. Видно, не боится моря, не боится коварных морских волн, надеется на свои молодые силы и удачу. Обиделись морские боги, сочли такую самонадеянность за неуважение, пренебрежение к их могуществу. Раз и другой окунули пловца с головой, затолкали храбреца волнами. Стал кричать младший, звать на помощь. А старший уже у берега плывет, оглянуться боится. Слишком далеко заплыл младший, не погибнуть бы ему вместе с ним. В последний раз вынырнул тонущий, в последний раз о помощи попросил. «Прости, брат, а мне моя жизнь дороже твоей», – сказал старший, как приговор подписал, и вскоре уже к самому берегу доплыл, влез на прибрежный обломок скалы и смотрит, как гибнет младший. Не могло снести такого море, еще пуще рассердилось, теперь уже на старшего брата. Давно известно, что море не терпит трусов и предателей. Одним небрежным взмахом сбросило оно его со скалы и потащило на дно в свое подводное царство-государство. Стащило и отдало рыбам, ракам и всем морским жителям на потеху. Младшего с почетом приняли в подводном царстве, как своего берегли, ублажали. Прошли годы, состарился младший, по земле затосковал, заплакал. Заштормило море. Как утешить погибшего, как сделать, чтобы след его не потерялся в памяти людей? Превратило море его слезы в дорогостоящий морской жемчуг, а курчавые кудри его – в прибрежные водоросли. Помнят теперь люди о храбреце. Но и старший о себе память оставил. Говорят, что съели его целиком голодные жители моря, а вот до сердца его охотников не нашлось. Такое оно было мерзкое, трусливое, скользкое, холодное и морю вовсе не нужное. После шторма выбрасывает море медуз, названных морскими сердцами, на берег, чистит свои воды от трусости и мерзости. – Алексей Николаевич помолчал, но потом продолжил: – Это по легенде. На самом деле у медуз в море своя экологическая ниша и своя, хоть и незначительная, роль.

– Спасибо, Алексей Николаевич. Знаете, я сейчас вспомнил, что Константин Паустовский называл медуз морскими сердцами. Так же, как в легенде.

– Может, потому, что ему была знакома эта легенда. На Руси медуз знали под именами морское сало, живоросль, в Японии – морские фонарики, в Китае – морские луны, у арабов еще как-то, забыл...

Дальше мы плыли молча и минут через десять подошли к причалу, выволокли вместе с дежурным матросом лодку на берег и накрыли ее брезентом.

Алексей Николаевич вручил мне для Бабы Бер сверток с рыбой, и мы втроем пошли по поселку. Встречные люди здоровались с нами, спрашивали про улов, берет ли ставрида, где берет, и никто не удивлялся тому, что с рыбалки бок о бок с хозяином, мелкой рысцой трусит Агапыч. Видно было, что все к этому уже успели привыкнуть, дело обычное.

У своей калитки Алексей Николаевич спросил у меня:

– Вы не сказали, а я не спросил имя французского поэта... ну, того, что понравившееся нам с вами стихотворение написал.

– А-а-а, я разве не сказал? Жак Превер. Стихи его опубликованы в «Библиотеке журнала „Огонек"». Небольшие такие книжечки выходят. Недавно она опубликовала Ираклия Андроникова. Вы его, наверное, знаете, он, по-моему, ваш ровесник.

– Ну как же, я даже лично знаком. Доброй ночи, Саша. Заглядывайте.

– Да уж теперь куда я денусь, – улыбнулся я и пошел домой.

Про Ивасика, любовь и разбитые очки

*Если кого я люблю, я нередко бежусь от тревоги,
что люблю напрасной любовью,
Но теперь мне сдается, что не бывает напрасной любви,
что плата здесь верная, та или иная.
(Я страстно любил одного человека, который меня не любил,
И вот оттого я написал эти песни.)*

Уолт Уитмен

На следующий день, часов в семь утра, меня разбудила гроза. Вставать не хотелось, и некоторое время я лежал, глядя вверх на дырку в кровле, сквозь которую виднелись куски темно-фиолетового грозового неба. После гулких раскатов грома слышался странный трескучий звук. Казалось, что кто-то огромный и сердитый в ярости раздирает крепкую простыню неба, а места разрыва мгновенно кантует ослепительным блеском. Первая тяжелая капля гулко шлепнулась на крышу и спросила: «Тут?» «Тут, пока тут», – усмехнулся я. «Тут, тут, тут» – радостно зачастили капли, и сразу же тугие струи дождя ринулись сквозь щель в шифере и миглом намочили подушку и угол матраса. Я вскочил, схватил в охапку постель, поспешно спустился по лестнице и влетел в сенцы. Отряхнувшись, как мокрый пудель, пристроив на сундучке матрас, я тихонько приоткрыл дверь и вошел в кухню. Стоя ко мне спиной, Баба Бер хлопотала у печки, жарила оладьи и тоненьким скрипучим голосом пела:

Говорят, в старину люди добрые
Знали путь к теремам солнца красного.
Да забыт теперь заговор солнечный —
Залегла та дорога туманами,
Заросла вся колючим репейником:
Не пройти, не проехать и конному...

Баба Бер потянулась за солью и, увидев меня, ойкнула:

– Фу, напугал, окаянный! Чего, как тать, подкрался?

– Твой языческий гимн Яриле-солнцу слушал. Откуда его знаешь?

– Какой еще гимн?! Песня это старинная, народом сложенная. От бабки своей слышала, лет сто тому назад она пела и меня махонькую девчонку учила... А что хорошая, так хорошая, не то что твисты да швейки ваши заполошные. Время пройдет, от них в головах людских и мути не останется, а песня народная из века в век людьми бережется, в душе и в сердце пестуется.

– В твоей песне, Баба Бер, все правильно. Об этом хороший писатель Николай Сладков сказал: «Не таким был когда-то мир природы – нам достались его развалины, исчезает простор – и мы начинаем толкаться».

– А я что тебе говорю? Что в народе ведется, то и нас не минется. Так и писатель твой: в народе на языке, а у него на бумаге.

– Ну да, так уж все народное обязательно хорошее? – провоцируя Бабу Бер, сказал я.

– А ты думал! Если что и было плохого, так время, что твой дошлый петух, кучу с непотребствами разгребет, доброе повыберет и на радость людям оставит, а дурное ногами загребет. Слышал такое?

– Ишь ты! Крылова почти цитирует, – удивился я и весело добавил:– Видала, каков ливень?

– Да, Сашенька, – лицо у Бабы Бер просветлело и расплылось в улыбке. – Дождалась наша крымская земля дождичка, а то что это за напасть – три месяца дождя не было. Тут не то что растенью – человеку усохнуть впору. Уж на что виноград жары да сухости любитель, а и тот мелкую ягоду завязал – недоволен, значит.

– У тебя на чердаке в одном месте шифер разъехался, крыша течет. Знаешь об этом?

– Как не знать? Хотела тебе сказать, да запамятовала. Будет время, слазай, исправь, поверху на дыру другую шиферину положи, у меня как раз в сарае одна стоит, краешек у нее обломанный, но это ничего, щель она так и так перекроет. Умывайся, Саша, на стол собирай, а я тут к соседке сбегая. Вчерась пришла картошек моих попросила, а взамен сметанки посулилась. У нее корова богато доится. Я быстро...

– Промокнешь, Баба Бер, обойдемся, поедим с вареньем, будешь потом плакаться, суставы свои тереть. Давай я схожу.

– Дождик теплый, я плащ на голову накину, а тебе чего ж идти... К оладушкам надо, как же оладушки без сметаны? – добавила Баба Бер и хлопнула дверь.

Я накрыл на стол, приготовил посуду, бутерброды, поставил чайник и стал ждать. Вскоре пришла Баба Бер и торжественно водрузила на середину стола коричневый обливной горшочек, называемый местными жителями «махоточкой».

– Принесла-таки, – удовлетворенно сказала Баба Бер, вытирая мокрые руки и лицо полотенцем, – а то будешь там матери жалиться, что Баба Бер тебя оладьями без сметаны потчевала.

– Ну что ты говоришь! Нет, ну ты подумай, что ты говоришь. Это про меня-то, который никогда в жизни на тебя не жаловался, а вот ты жаловалась матери, помнишь, когда я пальто порвал, кто меня выдал?

– Эва вспомнил! Как же тебя не выдать, когда я его чинила, чинила, а ты напоследки так его изодрал, что никакой иголкой не собрать было, а на новые деньги требовались.

– Неважно, что да почему, нечего оправдываться. Садись, есть хочу. Бутерброд тебе приготовил. Обрати внимание, как толсто маслом намазал в знак моего к тебе благоволения. Цени!

– Ценю, ценю, балабошка. Клади себе сметаны, макай горяченькие и жуй, жирок нагуливай, а на ужин я рыбку пожарю и картошек отварю.

Позавтракав, я собрался идти к Алексею Николаевичу. Баба Бер заворчала:

– Чего это ты зачастил, может, человеку надоедно так-то, каждый день.

Я заколебался, но потом все-таки решил пойти, подумав о том, что ему вдвоем со мной будет веселее в такой непогожий дождливый день.

– Тишает дождь. Идешь, что ль?

– Пойду, Баба Бер.

– Ну, коли пойдешь, дай-ка я ему оладушек передам, пусть поест свеженьких.

– Вот спасибо, – обрадовался я, – это ты хорошо придумала.

Бережно придерживая завернутую в газету теплую миску, я вышел из дома. Дождь почти перестал, в воздухе стоял резкий запах мокрой земли и трав. Море, как говорила Баба Бер, «забаранилось», то есть пошло барашками, и волны, все больше и больше раскачиваясь, выбрасывали на берег желтовато-серые ошметки ноздреватой пены. Горы стояли мокрые и почерневшие. Мутные пузырящиеся ручьи в овражках несли с гор птичий пух, кусочки коры и разный плавучий хлам.

Я направился к домику Алексея Николаевича и зашел во двор. Софи не было. Она, вероятно, пряталась от дождя, и вряд ли ей хотелось мокнуть во дворе ради того, чтобы лишний раз «обругать» кого-нибудь.

Алексей Николаевич сидел в кресле какой-то съездившийся, постаревший и несчастный. Возле него, положив голову на колени и горестно глядя ему в лицо, расположился Грей.

– Что случилось?

– Очки, Саша, разбил, старая я тетеря. Без них я ничто: ни писать, ни читать, ни пойти куда-либо. Беспомощен, как малый ребенок. Сегодня утром посмотрел – стекла грязные, стал протирать и выронил. Вдребезги! Какжея буду тут сидеть один, весь день ничего не делаю? – совсем жалобно и растерянно произнес он.

Сердце у меня дрогнуло. Я поспешно поставил миску с оладьями на стол и сказал:

– Алексей Николаевич, я завтра же поеду в Феодосию и закажу вам сразу две пары новых. Я бы и сегодня поехал, да пока доеду, пока мастерскую найду, рабочий день кончится. Вы мне только рецепт дайте. А сейчас я не уйду, с вами побуду, обед сварю, вас накормлю и зверей ваших.

– Спасибо, Саша. Я сам хотел вас просить насчет очков, рецепт посмотрите в правом верхнем ящике стола. Там есть пачка, веревочкой перевязана, – это мои документы. Он должен быть в профсоюзном билете. Хорошо, что вы пришли, иначе бы я целый день один здесь горевал.

– Вы посидите, Алексей Николаевич. Я сейчас в магазин сбегаю, продуктов куплю, сооружу вам что-нибудь. Может быть, не очень вкусное, но зато питательное. – Я оглядел всю честную компанию и добавил: – Вон Агапыч явно недоволен – сидит с демонстративно кислой мордой возле пустой миски, да и у Грея тоже, судя по физиономии, настроение не из приятных. Вон как он испытующе заглядывает вам в глаза. Наверное, вспоминает и твердит старинную собачью «молитву» о хозяине: «Пусть у него будет лицо такое же веселое, как мой вихляющий хвост».

– Это что же, действительно есть такая собачья «молитва»? – Алексей Николаевич поднял голову и скосил на меня повеселевшие глаза.

– Об этом у Бориса Рябинина прочел, – сказал я и встал. – Так я пойду, сбегаю в магазин.

– Не нужно. Продукты есть. В буфете банка мясных консервов, а внизу в ящичке картошка, морковь и лук. Там же на верхней полке концентраты для приготовления супов и каш. С ними удобно, возни мало. А готовить, Саша, где вы научились?

– Дома. Мама около двух месяцев тяжело болела, так мы с отцом по очереди стряпали. Нам казалось, что мы здорово наловчились. Мама ела да похваливала, чтобы нас подбодрить. А потом, когда выздоровела, решительно отказалась от нашей помощи. Еще бы! У нее опыт. Но ведь кормились, никто от голода не умер. Вот тогда и приобщился.

Я разыскал продукты, вымыл овощи, почистил, нарезал и, сложив их в кастрюлю с водой, поставил на плитку, потом открыл консервы и вывалил туда же мясо. Пока варился суп, я раздробил тугой гречневый брикет, залил его водой. Минут через двадцать, сняв с плитки готовый суп, я поставил на его место кастрюльку с крупой.

Алексей Николаевич поминутно вскакивал и пытался помочь мне, но после того как он наступил Агапычу на лапу, а Грею чуть ли не на голову, я усадил его в кресло, вручил миску с оладьями и сказал, что при сложившихся грустных обстоятельствах он может помочь мне только ценными указаниями.

Алексей Николаевич послушно взял миску, съел все оладьи, кроме двух. Их он попросил отдать Грею и Агапычу.

– Нет уж, я им накрошу в миски хлеба и налью супа. Оладьи доедайте сами. Им все равно двух мало.

Накормив всех и вымыв посуду, я с довольным видом осмотрел сытое «семейство» и, цитируя Бабу Бер, хвастливо спросил:

– И что бы вы без меня делали? Представить – и то страх берет.

Алексей Николаевич улыбнулся и сказал, что он второй раз в своей жизни встречает человека, в котором так уютно, не мешая друг другу, уживаются мальчишка и взрослый.

– Вот, вот, это мое несчастье, меня именно поэтому уже две девушки забраковали. Так и толкусь по земле одинокий и никем не понятый.

– Нет, Саша, отвергли они вас не по этой причине, а потому, что не любили вас. Да и вы, судя по вашим словам, не любили. Не пришло, значит, ваше время. И ваша единственная на всем свете, неповторимая и прекрасная женщина не встретилась. Ждать нужно. Читал я как-то легенду о том, что человекам не хватило каждому по целому сердцу, тогда стали разбивать сердца, и каждому по половинке досталось. И вот с тех пор люди и бродят по свету, ищут другую, именно свою, а не какую попало половинку. Иногда всю жизнь ищут, найти не могут, умирают одинокими. И очень редко получается так, что приложат два человека свои половинки, а рваные края как раз сходятся, и тогда этих людей ничем не разделить и не поссорить. И если один умирает, второй долго не живет, следом спешит. А некоторые, те, что из нетерпеливых, перестают искать свою, к чужой половинке пристраиваются, потом всю жизнь мучаются. – Алексей Николаевич закинул ногу на ногу, устраиваясь поудобнее, а потом впился в меня долгим прищуренным взглядом и закончил: – Вот так говорит легенда, и, несмотря на ваше, вероятно, скептическое отношение к ней, часто она оборачивается стопроцентной жизненной правдой. Вообще о любви думают, говорят и пишут, Саша, тысячелетиями, и исчерпать эту тему невозможно. Невозможно по той простой причине, что для каждого вновь рожденного человека она всегда будет величайшим откровением, загадкой, таинством, источником духовного взлета и творческого вдохновения. Да, именно творческого, вне зависимости от того, чем человек занимается. Если влюблен Пушкин – на свет появляется проникновенное стихотворение. Влюбленный Глинка, после смерти Пушкина...

– Нарисовал ноты, – вставил я, – и...

– И в результате человечество навечно одарено жемчужиной русской музыки и поэзии, – закончил Алексей Николаевич.

– Ладно, согласен, влюбившийся Пушкин мог написать «Я помню чудное мгновенье...», а Тютчев «Я встретил вас и все былое...», а вот что будет делать по уши влюбленный бухгалтер? – заранее торжествуя, спросил я, так как считал конторских работников предельно скучными и неинтересными людьми.

– Бухгалтер? – Алексей Николаевич запнулся, но тут же с блеском отпарировал: – Влюбленный бухгалтер составит такой годовой отчет, что даже тот, кто никогда не любил математику, проникнется поэзией цифр и будет считать, что «Сальдо» не что иное, как имя прелестной дамы, а «Дебет» и «Кредит» – ее страстные кавалеры.

– А если влюблен колхозный кузнец? – не унимался я.

– Это уже легче, – улыбнулся Алексей Николаевич. – Наверное, он не будет спать ночей для того, чтобы выковать для своей любимой прекрасный ажурный цветок, а для того, чтобы разобраться в том, живой он или нет, придется созвать на экспертизу самых маститых ботаников мира. Во всех вышеперечисленных случаях – творчество, порожденное любовью. Эта волшебница настолько могущественна, что может из кузнеца сделать поэта, а из поэта – кузнеца в том случае, если его возлюбленная вздумает полюбоваться своим милым в этой роли. Да что там далеко ходить, почитайте-ка, что писал ваш покорный слуга одной прелестной девушке. В ящичке стола, справа, пачка писем, возьмите верхнее. Дело это прошлое, почти полувековой давности. Храню как воспоминание о молодости. Девушка, которой был адресован мой творческий всплеск любовных эмоций, давно уже старушка и, конечно же, не помнит ни меня, ни моего юношеского отчаяния. Она ведь и прежде не хотела ни слушать меня, ни читать моих посланий.

Я нашел истертые на сгибах странички и стал читать:

«Единственная моя! Сердце у меня переполнено тревогой и любовью. Мне нужно отдать тебе многое, самое лучшее, самое светлое, все золото мира, но не то, холодное и тяжелое, ради которого пролилось столько крови. Оставим его для нищих духом. У меня для тебя другое золото, и я не оскверню ни тебя, ни твоих рук. Вот пишу я сейчас, и на щеке у меня лежит золотой осенний луч – возьми его и пусть он греет тебя всегда, в самые холодные и безотрадные

дни твоей жизни. Пусть он осенит своим теплом сердца тех, кто когда-нибудь захочет обидеть тебя, и они устыдятся своей злобы и холодности.

В глубине гор, моря и облаков возрождаются и зреют осенью теплые дожди для тебя, моя любимая. Морской шторм перекачивает гальку на берегу, отмывает, перебирает свои сокровища, чтобы выбрать самые красивые камни и раковины. Пусть волны будут щедрыми для тебя. Разве мир настолько слеп, чтобы не видеть, что все это должно принадлежать только тебе! Ветер срывает с деревьев и ворошит разноцветные листья в горных лесах в надежде, что ты оценишь его старания. Мягко ли ступать тебе, моя милая? Ты слышишь, как пахнет и шуршит желто-багряное чудо у тебя под ногами? Сей, осень, золотые монеты, их надо много, очень много. Без них не выкупить Весну для моей единственной, моей любимой. Надежно ли укрыты семена и корни? В мае горный покров должен взорваться цветами и травами. Вдали по горам медленно бредет овечье стадо, доносится звон колокольчиков, по-вечернему четкий и печальный. Пусть острые их копытца вытопчут на земле семена отчуждения, злобы и одиночества. Ты не должна увидеть и прикоснуться к ним. Оранжевый апельсин солнца танцует в зыбких волнах и нехотя погружается в море. Тихой поступью крадется из-за гор южная ночь...» Продолжения письма не было.

– Здесь, вероятно, нет конца?

– Да, Саша, потерял я где-то еще одну страницу. Ну, это неважно. Главное то, что я не имел никакого опыта в подобного рода письмах, написал то, что вы прочли, единым духом, трепеща и волнуясь, и вот даже теперь слушал вас, а в душе что-то дрогнуло и затосковало. Ниже под этим письмом возьмите еще один конверт. В нем мое коротенькое стихотворение для того же адресата. Хотя, может, это и не стихотворение, а что-то другое по жанру. Читайте и его, раз уж разговор у нас о женщинах и о любви.

Милая хочет голубую рыбу,
Голубую рыбу с розовыми глазами.
Надо, надо идти мне в море,
Бросить сети в волну морскую.
Черное море ворчит сердито:
«Одна всего голубая рыба
С розовыми глазами».
«Отдай ее, море, моей любимой.
Обменяй на золотой перстень,
У меня ведь тоже одна любимая!»

– А ведь хорошо, Алексей Николаевич. «Обменяй на золотой перстень», – повторил я и поинтересовался: – Сколько вам тогда было?

– Столько же, сколько вам теперь, может, года на два меньше, около двадцати. Сейчас понимаю, что в посланиях моих к ней слишком было много всяких красотостей, восклицательных знаков, выпренности, пафоса. В 30–35 лет я бы, конечно, подобного уже не написал.

– А как бы вы написали? Требовательно, сухо, настойчиво?

– Ну зачем же. Объяснил бы я по-взрослому, что ли, без слитков золота, морских раковин и танцующего в волнах апельсина солнца. Хотя, как знать? – задумчиво улыбнулся Алексей Николаевич. – Жена, случайно наткнувшись в столе на это письмо, до конца жизни своей говорила, что она ревновала и была бы счастлива получить от меня хотя бы одно такое послание. Это не значит, что я любил ее меньше. Нет, конечно. Просто по-другому, и письма писал тоже другие.

– А вы отправили стихотворение той девушке? Почему оно у вас?

– Я ей отправил много писем, но, – развел руками Алексей Николаевич, – через полгода после нашего знакомства она мне их возвратила. В них все казалось ей странным и ничемным. В ее глазах я был просто несуразным фантазером, человеком, который «не мог ей обеспечить соответствующий ее представлениям уровень жизни». Позже она вышла замуж за очень солидного и практичного мужчину, имеющего хорошую зарплату и, как она выразилась, «жилплощадь». У него было все то, что всю жизнь мне казалось неважным, второстепенным.

– Одним словом, «любовная лодка разбилась о быт», – с грустью сказал я и тут же вспомнил и процитировал на память Рабиндраната Тагора: – «Утром я закинул свою сеть в море. Я вытащил из темной морской пучины предметы дивной формы и дивной красоты – одни из них сияли, как улыбка, другие блестели, как слезы, третьи цвели, как щечки невесты. Когда же я возвращался домой, моя возлюбленная сидела в саду, празднично обрывая лепестки цветка. Я колебался мгновение, затем молча положил к ее ногам все, что добыл. Она взглянула и сказала: "Какие странные вещи. Я не знаю, на что они". Я со стыдом склонил голову и подумал: "Я не бился за них, я не купил их на рынке – этот дар ей не нужен". И целую ночь я выбрасывал их на улицу. Утром пришли странники, они собрали их и унесли в далекие страны».

– Ах, как это вы к месту и вовремя! – восхитился Алексей Николаевич. – Да еще наизусть... А может быть, вы тоже были в такой тяжелой ситуации?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.